

ТАЯ СЕВЕР

Тая Север Белая Змея

<https://litres.ru/74221612>

Аннотация

«Багровый полумесяц» — гнездо разврата, где азарт главный порок, а кровь придаёт зрелищу остроту. Здесь я — иллари: блистательная танцовщица в «позолоченных цепях». Меня разглядывают, желают — но никто не видит, что под маской богини прячется девушка с одним-единственным желанием.

Найти сестру. Выкупить её. Сбежать.

Всё просто. Никаких чувств, никаких компромиссов. Моё сердце — ледяной осколок: ни властному господину, ни дерзкому пленнику его не растопить.

И всё же...

Почему его тихое «танцуй только для меня» заставляет меня трепетать? Почему в этом дворце разврата лишь его одинокий взгляд заставляет меня чувствовать себя... настоящей?

Содержание

Пролог	4
1. Сестры	7
2. Плен	14
3. Она мой стержень	20
4. Разлучили	27
Визуалы	33
5. Багровый полумесяц	34
6. Необычная внешность	42
7. Питомец госпожи	48
8. Уроки убажания	55
9. Воины	62
10. Золотая «одежда»	73
11. Выход	79
12. Златовласый	91
13. Опасная игра	98
14. Цена чужой жизни	106
15. Ненависть	114
16. Клеймо	122
17. Риск	130
18. Болезнь	138
19. Личная неприязнь	147
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Пролог

Я не понимал, зачем переступил порог этого дома. В моей жизни и без того хватало женщин — ярких, настойчивых, умеющих себя подать. Да и зрелища я привык видеть куда более захватывающие. Этот особняк, пусть и манил знатных особ, не вызывал во мне ни любопытства, ни восторга.

Взяв бокал, я двинулся вглубь помещения. Пространство утопало в роскоши — высокие колонны, словно выточенные из единого куска камня, поддерживали своды, украшенные искусной резьбой. Свет от свечей дрожал на полированных поверхностях. Я прислонился к одной из колонн, ощутив прохладу камня сквозь ткань одежды, и сделал глоток вина. Оно оказалось кислым — в точности как настроение, что тяготило меня с самого утра.

Мой взгляд скользнул по иллари. Они двигались в танце, изгибая тела, касаясь себя с нарочитой томностью. Соблазнительно, бесспорно... Но во мне не шевельнулось ни капли желания. Я слишком хорошо знал цену подобным развлечениям — слишком часто видел, как за внешней притягательностью скрывается пустота. Трогать то, что уже побывало в чужих руках, — не для меня.

Мой взгляд невольно зацепился за нечто, резко выделявшееся среди остального.

Её волосы казались совершенно лишёнными цвета —

словно лунный свет, навеки застывший в прядях. А глаза... Два ядовитых рубина — пронзительные, гипнотизирующие. Они мгновенно, без всякого предупреждения, втянули меня в свою бездонную пучину. Я замер, полностью замороженный.

Она светилась — не отражённым светом ламп или блеском украшений, а каким-то внутренним сиянием. Словно богиня, по случайной воле судьбы оказавшаяся среди простых смертных.

Её кожа была белой, почти прозрачной, но её покрывала золотая краска, скрывая самые аппетитные части тела. Этот контраст — невинность и дерзкая откровенность — ударил в голову мгновенно. Я почувствовал, как в груди что-то сжалось, а внизу живота нарастает тяжёлое, требовательное тепло. Внезапно стало тесно в брюках. Желание охватило меня целиком — не просто прикоснуться, а присвоить, забрать её себе, спрятать от чужих взглядов.

— Кто эта маленькая иллари? — спросил я, обращаясь к мужчине, который бесцеремонно лапал рабыню за грудь. Его слюна едва не капала на белоснежную накидку, а взгляд, замутнённый вином и похотью, скользил по её телу.

Он хмыкнул, едва удостоив девушку взглядом:

— Эта? Красноглазая? — От него резко пахло перегаром и дорогим табаком. — Не думал, что у вас такой паршивый вкус.

Я лишь усмехнулся в ответ. Может, и к лучшему, что такой толстобрюхий ублюдок её не заметил.

Из тени раздался робкий голос:

— Господин, это новенькая иллари. Её представили как Белую змею. Думаю, всё дело в её танце — она так изящно извивается...

Я обернулся. Говорил юноша, сидевший в полумраке. Судя по всему, он пришёл с отцом — на вид ему не было и шестнадцати, совсем сопляк. Он нервно теребил край рукава, явно робея в моём присутствии.

— Любопытная, — усмехнулся я, вновь переводя взгляд на танцовщицу. — В природе белая змея — редкость.

1. Сестры

— Давай, Лу. Живей, — звенел впереди голос Дивьера.

— Ты вечно копаешься.

Я рванула изо всех сил, ноги мелькали меж корней и стволов. В воздухе витал аромат плюмерии. Острые сучья хватались за волосы, растрепывая тщательно уложенные сестрой пряди.

— Постой! Я не могу...

Мой крик повис в пустоте за её спиной. Я успевала различать лишь чёрный водопад её косы, мелькавшей и таявшей в гуще леса. Вот бы и мне парить так легко, не чувствуя тяжести собственного тела. Мы разделены всего двумя годами, но она — вылитый отец: статная, сильная. Я же — мамина копия, только без её здоровья. Моё тело с рождения отягощено слабостью; недоношенный ребёнок, чей непривычный взгляд заставляет жителей деревни отводить глаза и шептаться за спиной.

— Дивьера!

Её силуэт уже растворился в зелени. Я сбавила шаг, позволив телу двигаться в своём ритме, и сосредоточилась на дыхании.

Я вышла к кромке воды как раз в тот миг, когда Дивьера сбрасывала своё потрёпанное платье. Её лицо, обращённое к небу, светилось безудержной радостью. Мелькнула кожа,

вылепленная и позолоченная солнцем — ровная, сияющая, идеальная.

Я же была его извечным врагом. Каждый новый поцелуй светила отзывался на моём теле жгучей болью. Но пара свежих ожогов казалась ничтожной платой за возможность погрузиться в прохладу в такой иссушающий день.

— Если мама узнает, что мы снова прибежали к Янтарному Заливу, то запрет нас дома на целую неделю, — рассмеялась я, стягивая своё платье и бросая его на песок, рядом с одеждой сестры.

— Полно тебе, — Дивьера лишь повиляла плечами, и её тёмные глаза игриво блеснули. — Она великодушна. Простит, как всегда. Да и как она узнает, если мы ничего не скажем.

Не дав мне и слова возразить, она сорвалась с места и помчалась по горячему песку сломя голову. Через мгновение её тело разрезало гладь воды, а брызги, холодные и солёные, достигли моих обнажённых бёдер и живота, заставив вздрогнуть.

Я отбросила прочь все мрачные мысли и рванула следом. Ветер подхватил мой звонкий, освобождённый смех.

Дивьера поймала мои ладони в свои, закружив в воде. Мы плясали, словно две волшебные нимфы. Я лишь намечала легкие па руками, тогда как сестра выписывала упругими бедрами замысловатые движения. Вода обнимала кожу нежной прохладой, так хотелось нырнуть с головой. Но лишь на

миг — отмывать потом волосы от соли пришлось бы часами, да и жаль было портить причёску. Дивьера старалась над ней так усердно, вплетая те молочно-белые цветы с томным, сладким ароматом. Жаль только, они почти терялись в бледности моих прядей.

Мы кружились, плескались, смеялись, будто малые дети, хотя возраст давно звал к очагу и обязанностям. Мама часто просила нас остепениться, облегчить родительскую долю, найдя себе мужей из добрых семей. Мы с Дивьерой лишь переглядывались и смеялись.

Хотя у Ди шансов выйти замуж было, конечно, больше. Но я эгоистично не хотела этого — и дело было вовсе не в зависти, нет. Я боялась того дня, когда наш дом опустеет без её смеха, когда в нашей комнате воцарится тишина, а не ночные шёпоты и сдавленные смешки над всякой ерундой.

Она была прекрасна — всегда. Её красота была как этот залив: солнечная, ясная, открытая. От меня же шарахались, словно от прокажённой. Я рождена под дурной звездой — так, по крайней мере, шептались на рынке. Но все эти шепоты разбивались о твёрдую скалу мнения сестры. Она находила во мне что-то удивительное. Вот бы и мне самой перенять хоть крупицу этой её уверенности.

— Говорят, завтра придут торговцы тканями из Амальтеи, — сказала сестра, выжимая из длинной косы струйки солёной воды. — Я скопила немного медяков. Думаю, хватит на два платья и пару лёгких накидок.

Я отвела взгляд от неё к опушке леса, где только что, с резким криком, разлетелась стайка птиц. Странно, что их спугнуло... В чаще было тихо.

— Лучше потратить на себя, — возразила я почти машинально. — Ты и без того целые дни пропадаешь в гончарной мастерской. Посмотри на свои руки.

Дивьера лишь фыркнула, разглядывая ладони, покрытые тонкими ссадинами и сероватой пылью обожжённой глины, что въелась в кожу, не отмываясь до конца даже морской водой.

— Разве не в этом долг старшей сестры? — Посмеялась Дивьера, выходя из воды и отряхивая ладони. — Заботиться о младшей. У мамы ты нового платья не допросишься ещё несколько сезонов, если не больше. Да и когда в нашу глушь ещё забредут такие важные персоны?

Она была права. Наше захолустье, затерянное меж холмов и лесов, редко навещали даже бродячие торговцы. А караваны из Амальтеи появлялись и вовсе раз в году — если повежёт. Нам нечем было их завлечь: ни ценных специй, ни редких руд.

Деревенька наша была маленькой и притихшей — всего пара сотен домов под тростниковыми крышами. Из всего прекрасного — лишь море да покосившаяся каменная церковь на холме, которая, кажется, опустела даже для богов. Они давно покинули это место, оставив нам лишь солёный ветер и тишину.

— Только в этот раз, — мягко уступила я, подбирая с песка своё платье. — В следующий — обязательно я что-нибудь тебе куплю.

Я приняла её заботу — как принимала всегда, с тихой благодарностью и щемящей грустью.

Мама часто шутила, приговаривая, что моё тело не создано для тяжкого труда. Как бы я ни старалась, ни надрывалась, слабость брала своё. Я валилась с ног от усталости, не выполнив и четверти того, что с лёгкостью делала Дивьера. Мои руки покрывались кровавыми трещинами от простой стирки — чего уж говорить о том, чтобы таскать полные корзины или месить глину. Природа обделила меня всем — даже тихим внутренним светом, тем самым даром, что должен был прорасти в душе, как семя в благодатной почве. У каждого в деревне он был — пусть маленький, пусть лишь для того, чтобы ускорить рост рассады или слегка подогреть воду. У меня же внутри была лишь тишина. Глухая, бесплодная пустошь.

— Чего нос повесила? Какие чёрные мысли мучают твою белоснежную голову? — Дивьера толкнула меня в плечо, легко и ласково, и принялась натягивать своё потрёпанное платье на влажную кожу.

— Да ничего. Просто думаю, чем могла бы быть полезна семье. Мне стыдно, что я такая... бездарная, — горько поправила я сама себя.

— Милая, — её голос смягчился. — Ты ещё найдёшь свой

дар. Он просто... другой. И твоё место — я уверена — не здесь. Не в этой дыре. Посмотри на себя. Иначе и быть не может.

Я было слабо улыбнулась в ответ — и вдруг замерла. Там, где густая стена леса смыкалась с холмами, в небо тянулись десятки чёрных столбов дыма. Он поднимался сразу из-за всей линии деревьев. Лес не просто приглушал звуки, он скрывал за своей зелёной стеной истинный ужас.

Моё дыхание замерло на мгновение. Я впилась пальцами в руку сестры, не в силах вымолвить слово, лишь беззвучно указывая на то чёрное, ползущее по небу пятно.

Дивьера глянула — и её лицо побелело.

— Нет... — вырвалось у неё хриплым шёпотом. — Это деревня.

Она не стала натягивать свои плетёнки, лишь схватила их и меня за руку.

— Бежим!

Мы рванули по знакомой тропе. Но теперь под ногами была не дорога домой, а путь в настоящий кошмар. В лицо бил не просто запах гари, а сладковато-горький, тошнотворный запах горящего тростника и деревьев. Песок летел из-под ног, в ушах стучала кровь, и я шептала про себя молитву, одну за другой, умоляя всех богов, что когда-то покинули нашу деревню, вернуться хоть на миг и уберечь наш дом.

2. Плен

Страх придал моим ногам нечеловеческую лёгкость, и я неслась наравне с Дивьерой, не отставая ни на шаг. Вдалеке, сквозь оглушительный гул, прорезались отдельные крики — пронзительные, животные, от которых сводило живот. Кричали женщины и дети.

С приближением кошмар становился ярче, отчётливее. Воздух гудел от лязга грубого металла и воплей, в которых уже не было слов, только первобытный ужас. Запах внезапно сменился чем-то густым, медным и удушающим — запахом горячей плоти и крови. Я натянула ворот платья на лицо, но ткань не спасала, лишь пропускала этот смрад, заставляя давиться.

Мы замерли на самой окраине леса, прижавшись к стволам, в тени, что теперь казалась единственным укрытием. То, что открылось взгляду, превосходило самые страшные сны. Этого не могло быть. Только не здесь.

По деревне, превратившейся в пылающий загон, метались фигуры, казавшиеся порождениями самого хаоса. Дикари. Их мускулистые тела были расписаны различнымм узорами меловой белизны, по которой струились свежие, алые потоки. В руках они сжимали не мечи, а что-то похожее на тяжелые мачете с зазубренными краями и короткие копья. Лишь набедренные повязки из грубой кожи и костяные амулеты в

спутанных волосах хоть как-то напоминали о человеческом. Наши мужчины, с вилами и сельхозинвентарем в руках, пытались отбиться, но это было жалко и тщетно, как попытка остановить лесной пожар горстью песка.

И среди этого пекла горел наш дом. Его левая часть уже провалилась внутрь, обнажив почерневшие балки. Из черного провала окон валил густой дым.

— Стой здесь, — голос Дивьеры прозвучал тихо, но с такой жесткой интонацией, что я онемела. — Не ходи за мной. Если что-то случится — беги и прячься в лесу, в той пещере у ручья. Я найду тебя позже.

Она отпустила мою руку — и в тот же миг рванула вперёд, к пылающему дому. Я не успела даже вскрикнуть, протянуть руку, удержать её. Мой страх за родителей, сидевший где-то на подкорке, был заглушён наивным, отчаянным голоском внутри: они живы. Они спустились в подвал и ждут, пока всё закончится. Ди их найдёт. Всё будет хорошо.

Я должна была помочь. Должна была бежать следом, кричать, что-то делать. Но ноги будто вросли в землю, паника сковала каждую мышцу. Я замерла, как испуганный зверёк, застигнутый страшным зверем.

Слезы подступили комом к горлу, хотелось выть, издавать любой звук, чтобы пробить эту ледяную немоту. Но я лишь стояла, остолбенев, впиваясь взглядом в разворачивающуюся передо мной бойню.

Дивьера, пригнувшись, пронеслась словно разбойник

между горящими домами и скрылась в клубках дыма у нашего порога. Я выдохнула — коротко, судорожно.

Я старалась не смотреть. Отводила взгляд от знакомых лиц, искажённых мукой. Но мозг уже выхватывал детали, складывая их в чудовищную картину. Они убивали не всех. Мужчин, стариков, детей — да. Но молодых девушек, сестёр и подруг, — их не закалывали на месте. Их хватали, связывали грубыми верёвками и волокли к тяжёлым повозкам на окраине. Там, среди трофеев, темнели деревянные клетки, утыканные острыми сучьями внутрь, словно ловушки для птиц.

Рабство.

Ледяная догадка пронзила сознание, на мгновение затмив даже страх. Они пришли не за зерном, не за жалкой утварью. С нашей деревни и взять-то было нечего. Они пришли за живым товаром. Мы были для них всего лишь... добычей.

Я обернулась, впиваясь взглядом в тёмную чащу леса — туда, где так просто было скрыться, снова превратиться в ту самую трусишку, что всю жизнь пряталась за спиной сестры. Но нет. Сейчас — не тот случай.

«Не оставлю её одну. Не убегу», — твёрдо решила я, и, собрав всю волю в кулак, рванулась вперёд.

Я повернула голову и увидела. Увидела, как дикарь с размаху вонзил зазубренный клинок в горло Хилены, нашей соседки, чей хлеб пах дымком и солнцем. Как её глаза, широко открытые, вдруг потухли, словно кто-то задул внутри неё

свечу. Как её рот беззвучно открылся в последнем, невысказанном слове.

Горячие слёзы хлынули из глаз. И в этот момент тот урод посмотрел прямо на меня. Медленно, с наслаждением, он облизал лезвие, с которого капала алая влага. Меня почти вывернуло наизнанку от тошноты.

Я понеслась со всех ног до развалин нашего дома. Едкий дым обжигал глаза, заставлял жмуриться, мешал разглядеть хоть что-то. Я закашлялась, закрывая рот локтем.

— Дивьера! — закричала я. — Мама! Отец!

Тишина. Лишь спустя мгновение солнце заслонила огромная фигура позади меня.

Я обернулась медленно, без суеты. Бежать было некуда: либо в огонь, либо принять свою судьбу.

— Ты принесёшь много денег, бледнокожая девка, — произнёс высокий дикарь. Его лицо было выкрашено в белый, и лишь чёрные глаза холодно, оценивающе скользили по моему телу.

Дрожащими руками я подхватила с земли горящий обломок стены и выставила перед собой, пытаюсь выглядеть грозно.

— Не приближайся! — выкрикнула я, стараясь придать голосу твёрдость. Внутри же всё сжималось: я никогда не дралась, не поднимала руку на человека, не говоря уже о том, чтобы отнять чью-то жизнь.

Он засмеялся — противно, скрипуче. Его массивное, мо-

гучее тело внушало ужас; он мог сломать меня одним движением.

— Что ты можешь сделать мне? — бросил он и одним взмахом выбил горящую дощечку из моих рук.

Я отступила на шаг, ощущая позади жар пламени, пожирающего мой родной дом.

И вдруг — резкий крик! Из-за угла вырвалась Дивьера, сжимая в руке небольшой нож. Словно разъярённая кошка, она бросилась на чудовища, вонзив лезвие в его плечо. Но тут же последовал хлесткий удар — и сестра отлетела к моим ногам.

Я бросилась к ней, пытаюсь помочь подняться.

— Глупая! — её голос звенел от ярости. — Зачем ты вернулась? Я же сказала — беги!

— Я не могла оставить тебя одну, — выдохнула я с горечью.

Мужчина меж тем лишь усмехнулся, поскрёб тупой стороной своего зазубренного меча по шее, будто давая нам последние мгновения на прощание.

Я и моргнуть не успела. Его рука метнулась вперёд, как змея, и вцепилась в руку Дивьеры. Он рванул её на себя, а другой рукой, ловко и привычно, набросил на её запястья грубую верёвку с пояса.

— Нет! — вырвалось у меня. Я бросилась вперёд, пытаюсь вырвать её, отцепить эти узлы. В ответ в лицо ударила тяжёлая пощёчина — не рукой, а тыльной стороной его огромной

ладони. Свет померк, я отлетела на горячий пепел, прижав ладонь к пылающей щеке.

Не глядя на меня, он одним движением связал и мои руки следом за её, так что наши запястья оказались скручены одной верёвкой. Затем рывок — резкий, унижительный. Мы едва удержались на ногах, нас поволокли, как послушный скот.

— Ты глупая, Луна. Глупая, — повторяла Дивьера сквозь слёзы, беспомощно перебирая ногами, чтобы не упасть. Борьба с ним и вправду было бессмысленно.

Я оглянулась на наш дом, превратившийся в пылающее ничто.

— Где мама и папа? Ты их видела? — спросила я тихо.

Дивьера лишь горько всхлипнула. И этого хватило. В груди всё сжалось от боли. Она могла ничего не говорить. Я и так всё поняла.

— Теперь остались только мы, — прошептала она горько.

3. Она мой стержень

Нас затолкали в одну из тех самых деревянных клеток, что я видела издалека. Тесные, пахнущие сырой древесиной. Мы сидели, тесно прижавшись друг к другу; острые колья внутри клетки грозили оцарапать кожу. Мелькали знакомые лица — подруги, соседки, сёстры. Но в их глазах не было ничего, кроме пустоты шока и бездонного горя. Кто-то бессмысленно хватал грубые прутья, тряс их, будто они могли расступиться от одной мольбы.

— Мне страшно, — выдохнула я сестре, вжимаясь в её бок и цепляясь за её руку своими пальцами.

Она не ответила. Лишь сжала челюсть так, что на скулах выступили белые пятна, и уставилась в пустоту перед собой. Её молчание пугало меня. Дивьера, всегда такая живая, звонкая, солнечная, теперь казалась каменной, изнутри выжженной до тла. Я хотела обнять её, прижать к себе, но верёвки впивались в запястья, не давая поднять руки. Тогда я просто опустила голову ей на плечо, чувствуя, как она вся напряжена.

— Куда нас повезут? — чей-то надтреснутый голос сорвался в сдавленный плач. — Неужели правда продадут...

— Мой муж... они убили его. Они дикари, животные, — монотонно, раскачиваясь, шептала темноволосая Ливия. Я помнила, как они, сияя, выходили из покосившегося храма

всего несколько лун назад, как они с мужем мечтали о ребёнке. Теперь в её глазах не было ни сияния, ни мечты — только боль.

Чужое горе вызывало во мне истерику. Хотелось разрыдаться, отдаться скорби — по родителям, по дому, по тому миру, что теперь лежал в пепле. Но я отчаянно держалась, вдыхая родной запах волос сестры.

— Ди... — мой шёпот был едва слышен даже мне самой. — Ты видела... как это случилось с ними?

Я надеялась, что нет. Что она, как и я, лишь догадывалась об этом. Но Дивьера резко дёрнула головой, будто от физического удара, и зажмурилась, её лицо исказила гримаса, словно она пыталась стереть из памяти только что увиденное воспоминание.

— Сестра, — позвала я тише, боясь спугнуть её, боясь обрушить тот хрупкий утёс, на котором она стояла.

Она медленно подняла веки. И на её губах появилась мягкая, знакомая мне до слёз улыбка — та самая, которой она всегда успокаивала мои ночные кошмары. В ней не было радости, только бесконечная нежность и усилие. Колоссальное усилие.

— Мы выберемся, — сказала она так твёрдо, что я почти поверила. — Я что-нибудь придумаю. Не бойся.

Её нижняя губа предательски дрожала, но глаза — её карие, ясные глаза — оставались сухими и чистыми. Она наклонилась и прижалась лбом к моему.

— Если нас разлучат, — её голос стал строже, — Верь, что я найду тебя. Верь, что вернусь за тобой.

И я поверила. Она никогда не бросала слов на ветер. Если Дивьера говорит — так тому и быть.

— Выживи, — её шепот стал едва уловимым. — Любой ценой. Забудь о гордости и стыде. Делай всё, что прикажут. Пока я не приду. А когда приду — мы сожжём эту ночь в огне и из пепла начнём всё заново. С чистого листа. Только выживи.

— Я не смогу, — выдохнула я, чувствуя, как ком подбिरается к горлу. — Я не такая, как ты.

В этот миг тяжёлый кулак грохнул по прутьям клетки над нашими головами.

— А ну, заткнитесь! — проревел дикарь.

Воздух в клетке застыл. Даже плач стих, сменившись свистящим дыханием через нос.

И тогда Дивьера, не отрывая взгляда от спины уходящего мужчины, тихо, так, что слышала только я, прошептала мне прямо в ухо:

— Ты всё сможешь. Ты сильнее всех них. Ты боролась каждый день своей жизни — с собственным телом, с чужими взглядами, с тихой болью. И ничто тебя не сломило. Помни это. Помни, кто ты.

Когда деревня почти полностью обратилась в пепел, когда земля пропиталась кровью, а воздух стал невыносимым от смрада гари и смерти, нас повезли прочь.

Повозка тряслась на каждом камне, отдавая болью в пояснице. Солнце палило нещадно; его лучи проникали сквозь дыры в клетке, обжигая кожу. Я пыталась сменить положение, но пространство было настолько тесным, что даже размять затекшие ноги казалось непосильной задачей.

В глазах темнело от усталости, но я цеплялась за последние крупницы сил, за слова сестры, за ту искру, что ещё теплилась внутри.

«Я выживу. Я должна».

И как я ни пыталась отвлечься — считать облака, вслушиваться в скрип повозки, — это было бесполезно. Вокруг продолжался шепот, полный слез и ужаса. Молодые девушки плакали, и было невозможно их винить. Наша спокойная жизнь закончилась в дыму и крови, и теперь мы катились в неизвестность.

— Луна, — прошипел знакомый, ненавистный голосок. — Даже на такую, как ты, позарились эти дикари.

Айви. Та самая, что травила меня в школе, обзывая крысой и призраком. Её усмешка сейчас казалась особенно ядовитой.

— Закрой рот, Айви, — прошипела Дивьера, сжав кулаки. — У меня нет ни сил, ни желания слушать твои мерзкие шуточки. Не сейчас.

— Мы все потеряли дом и близких, — тихо вступила другая девушка. Виэлия, с русыми волосами и умным, спокойным лицом. Она всегда казалась взрослее своих лет. —

Неужели у тебя до сих пор находятся силы на эти детские уколы?

Айви сжала губы в тонкую белую ниточку, её глаза покраснели ещё сильнее. Но я её не винила. Каждый справлялся с горем по-своему. Кто-то замыкался в молчании, а кто-то, как Айви, пытался выбросить свою боль наружу, облив ею других. Я давно привыкла к её колючкам и научилась просто не замечать.

— Айви, — тихо сказала я, глядя на её сжатый в комок силуэт. — Мне жаль. Я понимаю, тебе больно.

— О, иди ты, крысеха, — она отвернулась к прутьям клетки. Её плечи слегка вздрагивали.

— Не будь такой мягкой, — ткнула меня в колено сестра. Мы были разными. Когда Дивьера лезла в драку, я пыталась поговорить. Когда меня задирали, она ставила всех на место — чаще кулаками, чем словами. А я лишь утыкалась лицом в колени, прячась от мира, который снова казался слишком громким, слишком резким.

— Ты же знаешь, я не умею злиться на людей, — тихо ответила я. — Да и остались ли у меня силы отвечать на глупые издевки?

Я бессильно опустила плечами. Колючие слова Айви теряли всякий смысл, отдаляясь, будто доносясь из другого измерения. Всё моё существо было занято другим — картиной, которую мозг отчаянно пытался дорисовать и в то же время стереть.

Я мысленно рисовала их образы. Мама — её пальцы, всегда легко касавшиеся моих волос, эти нежные руки, которые теперь навсегда потеряли тепло. Что она чувствовала в тот миг? Звала ли нас, пытаясь уловить последний взгляд родных лиц?..

Отец — человек, казавшийся несокрушимым. Как он встретил конец? Что читалось в его глазах — боль, отчаяние, бессилие перед неумолимой силой? Успел ли осознать, что не сможет нас защитить?

Я пыталась представить их последние мгновения. Были ли их лица искажены страхом? Или сознание покинуло их раньше, чем жизнь? Стали ли их глаза пустыми до того, как угасла последняя искра?

Эти мысли раздирали меня изнутри. Я жаждала лишь одного — увидеть их, даже бездыханных. Чтобы не оставалось места надежде, чтобы не жить в ожидании невозможной встречи. Увидеть всё своими глазами — и навсегда запомнить.

Я позволила себе оплакать их. Слёзы текли беззвучно, оставляя солёные дорожки на грязной ткани платья. Разум твердил суровую правду: они мертвы. Но сердце — упрямое, наивное сердце — цеплялось за призрачную надежду. Мы же не видели тел. Дивьера не произнесла этого вслух. В её глазах читалась лишь боль — но разве дым и хаос не могли её обмануть?

Я не знала, как с этим существовать. Как дышать, когда в

груди зияет пустота на целый мир. Я всегда была хрупкой, как тростник: гнулась, но не ломалась, лишь потому, что рядом стояла сестра. Её сила служила мне опорой. Я умела терпеть, молча сносить обиды, но не умела бороться. Не так, как она.

Если нас разлучат... Если её голос смолкнет, а плечо больше не будет чувствоваться под щекой... Во мне не останется ничего, за что стоило бы цепляться. Ни искры, ни стержня. Лишь пустота и беззвучный, всепоглощающий ужас. Я просто перестану существовать.

4. Разлучили

Запах жареного мяса не тревожил желудок, хоть и щеко-тал ноздри. Мы сидели под натянутым полотном — новый хозяин, выкупивший нас у дикарей, берег товар от солнца. Он дал нам воды, но на этом его милосердие закончилось.

Единственной отрадой было то, что Дивьеру заковали в цепи рядом со мной. Мы всё ещё были вместе, всё ещё дышали одним воздухом. Она была здесь, и это удерживало меня на краю.

Оковы на шее давили, натирая кожу. Я чувствовала себя животным — грязным, затравленным зверьком. Сестра сидела прямо, вглядываясь в пространство перед собой сквозь пелену отрешённости. Я же лишь смотрела на свои руки, скованные холодными манжетами. Слез во мне больше не осталось; я выплакала их все в долгой дороге. Кожа горела под слоем грязи и загара, покрытая щипящими, воспалёнными ожогами.

Мужчина, купивший нас, гордо стоял впереди, расхваливая «товар высшего качества» — молодых и красивых рабынь. Его голос звенел фальшиво и громко.

— Выпрямись, — настойчиво прошептала Дивьера, не поворачивая головы. — Ты должна показать себя. Сейчас не время думать. Просто делай, как я говорю.

Но я не могла. Не сейчас. Я была погружена в себя слиш-

ком глубоко, и чтобы выбраться, требовалось время, которого у меня не было.

Мимо, не глядя под ноги, проходили женщины в струящихся светлых платьях. Их причёски, шлейфы дорогих духов и высокомерные взгляды безошибочно выдавали знатных дам. За ними следовала свита из вооружённых мужчин в отполированных доспехах; их мечи, сверкая на солнце, пускали по каменной мостовой слепящие солнечные зайчики, на мгновение цепляя мой взгляд.

Я пыталась не впитывать красоту этого города, не любоваться ею, но для девушки из глухой деревни это было почти невозможно. Высокие каменные арки, украшенные резными цветами и замысловатыми узорами, притягивали взгляд, заставляя разглядывать их украдкой, из-под опущенных ресниц. Каменные дома, узкие извилистые улочки, пёстрые наряды горожан — мне не нужно было знать названия этого места, чтобы понять: нас привезли в большой, богатый город. Мир, в котором мы стали всего лишь товаром.

Внезапно перед нами возникла пара начищенных до блеска золотых туфель. Кожа над ними была бледной, почти фарфоровой, без единой солнечной отметины. Я медленно подняла взгляд.

Длинные ресницы, алая помада и огненно-рыжие волосы, собранные в сложную причёску. Молодая женщина с холодным, оценивающим взглядом рассматривала не меня, а Дивьеру.

— Сколько за эту? — её голос был звонким и бесстрастным. — Мне нравится её взгляд.

Торговец расплылся в улыбке, обнажив ряд неровных жёлтых зубов. Его тёмная кожа блестела от пота, а чёрная борода была скручена в тонкую, ухоженную косу.

— Пять медяков, добрая госпожа, — почти запел он, приближаясь. — Сильная. Руки рабочие, с мозолями, но фигура крепкая. Выносливая. Для тяжёлой работы по дому или в саду — идеальный вариант.

Женщина кивнула, не отводя ледяных глаз от Дивьеры.

— Умеешь готовить, девочка?

Меня скрутило изнутри. Я инстинктивно вцепилась в руку сестры, чувствуя, как мир начинает рушиться.

— Да, госпожа, — ответил голос Дивьеры. Чужой, плоский, лишённый всяких оттенков. Как будто она отреклась от себя в этом слове.

Я смотрела на неё в оцепенении, не в силах пошевелиться.

— Отлично. Беру её, — женщина легким движением кисти подозвала тучного слугу. Тот тут же достал увесистый мешочек, из которого донёсся соблазнительный звон монет.

Пока монеты переходили в грязные лапы торговца, Дивьера незаметно придвинулась ко мне. Её голос звучал едва слышно, почти сливаясь с шумом улицы:

— Делай всё, чтобы выжить. Я найду тебя, обещаю. Не теряй веру в это.

Её пальцы на мгновение сжали мои — крепко, до лёгкой

боли. Я закусила губу так сильно, что во рту появился металлический привкус. Хотелось крикнуть, вцепиться в неё, не отпускать... Но между нами уже вставали чужие спины, чужие голоса, чужой мир.

Торговец опустил на корточки рядом с нами и принялся отстёгивать цепь Дивьеры от моего ошейника. Паника, острая и слепая, ударила в виски.

— Госпожа! — вырвалось у меня, и это слово обожгло язык, словно я проглотила уголь. — Купите и меня. Прошу вас. Я буду служить верно, я...

Я потянулась и вцепилась пальцами в дорогой, тонкий подол её платья.

Она резко дёрнула ткань на себя, вырвав её из моих слабых рук. В следующее мгновение тяжёлый сапог торговца со всей силы пнул меня по колену. Боль пронзила сустав белым огнём.

— Кто позволил тебе, негодная тварь, прикасаться к госпоже Аделаиде своими грязными лапами?! — прошипел он, и в его глазах вспыхнула не притворная, а самая настоящая, свирепая злоба.

Но женщина подняла руку, и я, затаив дыхание, уставилась на неё.

— Сколько она стоит? — холодно спросила женщина. — Если у неё хватает наглости на такие вольности, я бы не отказалась преподать ей личный урок.

— Две... Две серебряные монеты, госпожа. Она дорого мне

обошлась... — произнёс он тихо, будто опасался, что сама цена теперь оскорбит её, после того как я оставила грязный след на безупречном подоле её платья.

— Боюсь, тебя обманули, — её губы искривились в презрительной усмешке. — Эта бледная тварь не стоит и медяка. Надеюсь, ты успеешь сбыть её, пока она совсем не отдала дух под этим палящим солнцем.

Передав цепь Дивьеры своему вооружённому слуге, она развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Дивьера лишь раз обернулась — быстрый, полный боли и обещания взгляд — и растворилась в лабиринте узких улочек этого проклятого города.

Но торговец, сам того не ведая, дал мне надежду. Он назвал имя. Аделаида. Среди всех Аделаид в этом городе она, с её золотыми туфлями и огненными волосами, должна быть известна. Значит, есть шанс. Шанс узнать, где искать. Шанс снова увидеть сестру.

Торговец снова опустился передо мной на корточки и сунул мне в руки жестяную кружку с водой.

— Только не вздумай сдохнуть раньше времени, — прошипел он устало. — Глаза у тебя, конечно, пугающие. Но тело... и эти волосы. Если не продам — оставлю себе. Будешь согревать мои ночи.

Его грубая ладонь с грязными ногтями погладила меня по щеке. Меня затрясло от ярости, такой острой и чёрной, что я сама испугалась. Мне захотелось вцепиться зубами в его

пальцы. Я не знала, что способна на такую ненависть.

Но именно эта ненависть и прочистила мне ум. Оставаться с ним нельзя. Это верная смерть. Или то, что хуже смерти. Если я хочу найти Дивьеру, мне нужно подчиниться. Выжить. Исчезнуть из его поля зрения как можно скорее.

Я заставила себя поднять голову. Выпрямила спину, несмотря на гул в колене и тяжесть оков. Рядом Айви поникла, её голова бессильно упала на грудь, а пот смешивался с грязью на лице. Но я больше не могла себе позволить отчаяние.

Визуалы

Город Альматея

Аэрион Морвейн

Каэль

Луна

5. Багровый полумесяц

Солнце клонилось к закату, даря долгожданную прохладу. Лёгкий ветерок высушил пот на моей спине, но не принёс облегчения.

Площадка почти опустела — многих уже выкупили. Моя цена, как я поняла по косым взглядам и покачиванию голов, оказалась для большинства слишком завышенной. Остались только я и Айви, которая, поникнув, пролежала в полудрёме большую часть дня. Многие покупатели и вовсе думали, что она уже мертва.

— Ну что, птишка, — раздался над ухом знакомый голос. Торговец присел на корточки, с аппетитом откусывая кусок мяса. Жир стекал по его рукам, и он с противным чавканьем облизал пальцы. — Похоже, сама судьба хочет, чтобы ты досталась мне. Сперва попользуюсь тобой, а если выживешь — продам как испорченный товар. За треть цены.

Меня скрутило от отвращения. Он был мерзок — иного слова для него не существовало.

— Не переживай, будешь покладистой, и Варан с тобой обойдётся нежно, — он снова причмокнул, и моё горло сжал спазм.

И тут, в свете последних лучей, на площадь вышла фигура в длинном, закрывающем голову плаще. Она двигалась бесшумно, словно волшебная дива из старых легенд, её силуэт

был хрупким и утончённым. Я не могла отвести взгляда.

Когда она приблизилась и откинула капюшон, я увидела лицо с выразительными глазами под чёрными, длинными ресницами. Она смотрела прямо на меня.

— Я заметила тебя издали, девочка, — её голос был тихим и мелодичным. — Ты напомнила мне моего любимого питомца. Отчего же такая... необычная зверушка осталась без хозяина?

— За меня просят слишком много, — опередила я торговца, заставляя свой голос звучать твёрже. — Но я буду стоять каждой монеты. Обещаю вам, госпожа, вы не разочаруетесь.

Я была готова на всё, лишь бы не остаться у торговца. Эта женщина казалась спасением, посланным самими богами.

— Слова — ветер, но в твоих слышится звон драгоценного металла. Я покупаю не тела, а искры — те, что не гаснут даже в цепях. — она слегка склонила голову, и в её взгляде мелькнуло что-то манящее.

Она повернулась к торговцу, и в её осанке внезапно появилась стальная властность.

— Две серебряные монеты. И я забираю эту девчушку и ту, что без сознания. Обоих.

— Три серебряных, — тут же попытался возразить он, но одного властного, ледяного взгляда женщины хватило, чтобы слова застряли у него в горле. Он потупился, суетливо поднимая связку ключей. — Хорошо... госпожа. Ваша цена... справедлива.

Он опустил передо мной, отстёгивая цепь от кольца в земле.

— Повезло тебе, — только и выдавил он сквозь зубы. Непонятно, что он имел в виду — то, что я не осталась с ним, или то, что теперь принадлежу этой женщине.

Затем он грубо ткнул ногой в бок Айви.

— Поднимайся. поприветствуй свою новую госпожу.

Он откинул с её лица слипшиеся грязные пряди и плеснул на неё водой из кружки.

Айви резко распахнула глаза, судорожно глотая воздух, словно вынырнув из глубины.

— Всё в порядке. Мы уходим отсюда, — тихо сказала я ей, пытаюсь придать своему лицу хоть тень обнадеживающей улыбки. Истерики сейчас были ни к чему. Хотя я и не питала к Айви тёплых чувств, такой участи — остаться в лапах Варана — не желала бы никому.

Я тяжело поднялась на ноги, всё ещё скованная ошейником и цепями на руках. Сделав шаг к Айви, я протянула ей руку. Она лишь зло, исподлобья взглянула на меня, отшатнулась и поднялась сама — шатко, еле держась на ногах, но с демонстративной, гордой прямоотой в спине.

Пусть так. Главное — чтобы она держалась.

Мы медленно побрели следом за новой хозяйкой. Каждый босой шаг по неровной каменной мостовой впивался в ступни осколками боли.

— Я не потерплю непослушания в своих стенах, — её го-

лос лился впереди, не повышаясь, но понижывая насквозь.
— Меня зовут Лираэль. Мой дом — «Багровый Полумесяц».
Она замедлила шаг, позволяя нам разглядеть её профиль
— тонкий, с резкими линиями и дикой красотой.

— «Багровый Полумесяц» известен тем, что... развлекает избранную публику этого города. К нам приходят те, кто пресытился обычными зрелищами и жаждет чего-то острого. Красоты, танца, изящной жестокости или изысканной боли.

Её голос опускался всё ниже, обволакивая нас с головой.
— В наших подземных ярусах проходят бои — до первой крови или до последнего вздоха, смотря по настроению публики. Ваша задача — ублажать наших гостей. Танцевать так, чтобы у них замирало дыхание. Рассказывать истории, от которых по коже бегут мурашки. Участвовать в играх, где ставка — ваша собственная судьба.

Она обернулась. Взгляд скользнул по нам, словно оценивая каждую трещину в нашей душе.

— И если я того пожелаю... отдавать то, что от вас потребуют. Тело, улыбку, послушание. Всё, что у вас есть, теперь принадлежит «Багровому Полумесяцу». Постарайтесь, чтобы ваше присутствие в нём стало для гостей... незабываемым.

Я оступилась на камне, и боль в ступне на миг перекрыла все остальные мысли. Но это был лишь физический укол. Гораздо страшнее было осознавать, в какую клетку я теперь

направлялась. Эта женщина, похожая на богиню из древних свитков, оказалась чудовищем, торгующим человеческими страстями, болью и плотью.

— Госпожа, — тут же отозвалась Айви, её голос прозвучал подобострастно и скользко. — Только вы напрасно взяли эту бесхребетную. Она ни на что не способна, кроме как падать на камни.

Я лишь мягко усмехнулась про себя, заметив, как Лираэль едва заметно дёрнула плечом от её тона.

— Я разве давала тебе разрешение говорить? — холодно бросила она, не замедляя шага. — Я купила тебя из мимолётной жалости, пустая голова. Не воображай о себе слишком много.

Айви только раскрыла рот, но слова застряли в горле. Вместо них она лишь бросила на меня злобный, полный ненависти взгляд. Даже здесь, на самом дне, она находила силы для своих мелких укусов.

Мы шли рядом, почти плечом к плечу, но она всячески старалась держаться на шаг впереди, создавая между нами пустое, натянутое пространство. Я не видела в этом смысла. Разве не разумнее в нашей ситуации держаться вместе? Но с Айви разум никогда не был в приоритете.

С заходом солнца улицы окончательно опустели. Мы были одни — хозяйка и две новые рабыни. Почему Лираэль шла без охраны? Неужели настолько уверена в своей безопасности? Сегодня я не видела ни одной женщины без сопровож-

дения. Значит, этот город вовсе не так спокоен, как может показаться. Я всегда подмечала такие детали.

Но спросить её я не смела. Не стоило испытывать её терпение, если я хотела выжить и найти Дивьеру. Я должна была стать для неё ценной. Полезной. Может, даже любимой игрушкой, которой можно доверить какие-то тайны. На помощь от неё я не рассчитывала — но доступ к информации мог оказаться дороже любого сочувствия.

Архитектура вокруг медленно менялась. Одинаковые, приземистые дома из песчаника с плоскими крышами и крошечными окнами стали уступать место более величественным постройкам. Появились арки — изящные, взмывающие в небо и словно разрезающие его пополам. Стены увивали плетистые цветы, а в стройных деревьях с высокими кронами угадывалось что-то знакомое, тоскующее по родным холмам и морскому ветру.

Я разглядывала окружающую атмосферу, пытаюсь угадать, как это место выглядит при свете дня. Наверное, ещё прекраснее.

Внутри снова поднималась волна горя — воспоминания о доме, о родителях, леденящий страх за сестру. Но я сжала зубы и оттолкнула их прочь. Позже. Я позволю себе слабость позже, когда найду Дивьеру. Только тогда.

Мы вышли на большую площадь, от которой расходились широкие, мощёные улицы. А в её конце возвышалась высокая стена, густо увитая дикими розами и чем-то похожим на

жасмин, за которыми виднелись кованые ворота чёрного металла. Место дышало скрытой, подавляющей роскошью.

Неужели это и есть «Багровый Полумесяц»? Если бы Лираэль не обрисовала суть этого места, я бы никогда не догадалась.

Айви смотрела на особняк за оградой с широко распахнутыми глазами, и я полностью разделяла её чувство подавленного изумления.

Когда мы подошли к воротам, двое стражников в начищенных мундирах молча распахнули створки. На их поясах висели длинные, узкие ножны. Стражники были огромны, и одного их вида хватило, чтобы понять: от таких не убежишь. И переходить им дорогу не стоит ни при каких обстоятельствах.

— Добро пожаловать в ваш новый дом. Будьте благодарны и послушны — и тогда не познаете тяжести моего удара, — Лираэль обернулась к нам; её профиль чётко вырисовывался на фоне освещённого факелами фасада.

В её тоне не было крика, но угроза звучала отчётливо. Здесь мы — всего лишь рабы.

— Я благодарна вам, госпожа, — тут же залилась Айви, подобострастно склонив голову. — Буду служить вам с особым усердием.

Лираэль лишь бросила на неё короткий, оценивающий взгляд и снова повернулась к дому. Она стояла перед ним, и он казался её продолжением — таким же холодным, вели-

чественным и безупречным.

Фасад первого этажа был открыт, образуя просторную террасу с массивными мраморными колоннами. Повсюду стояли алебастровые вазы, бронзовые статуи и кадки с тропическими растениями. Второй этаж прорезали высокие окна — круглые, с витражами из цветного стекла, которые сейчас лишь угадывались в темноте. Всё выглядело слишком шикарно, слишком дорого. Я с опаской подумала о том, кому может принадлежать эта женщина...

— Силма! — крикнула она в вечернюю тишину.

Из глубины террасы появилась женщина в белом, просторном хитоне, с чёрной, туго заплетённой косой. Её лицо было полным, с тяжёлым, проницательным взглядом. Она выглядела ухоженной, её загорелая кожа лоснилась в свете факелов, которые как раз зажигал один из стражников. Площадь перед домом утопала в зелени, а в центре бил небольшой фонтан, наполняя воздух влажной прохладой.

— Да, госпожа, — отозвалась Силма, слегка склонив голову.

— Приведи в порядок новеньких. Обмой, накорми, объясни правила. И устрой их в западном крыле.

6. Необычная внешность

Силма оказалась женщиной суровой и требовательной. Её правило было железным: за любую оплошность — щелчок по затылку, удар плетью по ногам или долгое стояние на коленях на холодном каменном полу. Я жила здесь всего неделю, но уже усвоила свою новую природу. Я была ничем. Пылью, которую можно смести. И если Силма захочет от меня избавиться, ей не составит труда этого сделать.

Единственный шанс заслужить её благосклонность — проявить себя в деле. И странно, но меня не отправили ни чистить каменные полы, ни полоть бесконечные клумбы.

Вместо этого началось... преобразование. Нас погружали в горячие ванны с ароматными маслами, оттирали кожу до розового свечения, освобождали тела от лишних волос. На мою необычную внешность смотрели с холодным любопытством, но без комментариев — здесь любая особенность могла стать товаром. Потом начались уроки. Танцы — но не те весёлые и неловкие, какими мы плясали у моря. Это был другой язык. Каждое движение имело цель: скольжение ладони по собственному бедру, изгиб спины, томный взгляд из-под ресниц, прикосновение кончиков пальцев к губам. Они были медленными, тягучими, и после них на коже оставалось ощущение липкой, чуждой грязи.

У меня получалось. Неловкость сменялась странной лов-

костью. Госпожа Лираэль иногда останавливалась у дверей зала, наблюдая за всеми, и её взгляд часто задерживался на мне.

Отобранных для этой «высокой» службы, было не слишком много. «Иллари» — называли так нас здесь. Остальные, «низшие», жили в подвальных помещениях. Их участь была иной, о ней говорили шёпотом, а угроза «отправить вниз» висела над каждой из нас.

Наша комната в западном крыле была огромной — целый зал, заставленный двадцатью узкими кроватями. Роскошь «Багрового Полумесяца» здесь угадывалась лишь в дорогих, тяжёлых тканях на окнах и слабом аромате ладана, что всегда висел в воздухе. Мы спали в одном помещении, дышали одним воздухом, но разделяла нас тихая, незримая стена страха и соперничества. Каждая знала: сегодня ты — иллари, а завтра можешь оказаться в темноте, где стирается даже твоё имя.

Сделав последний волнообразный перекал бедрами и плавное движение животом — ровно так, как учила строгая Зулия, — я откинула назад волосы. Теперь они были гладкими и идеальными, как шёлк, и мне нравилось ощущать их тяжесть на спине. Белая, полупрозрачная ткань висела на мне, подчиняясь каждому движению, и я быстро училась этому языку тела.

Когда занятие подошло к концу и остальные девушки неспешно разбрелись по коридорам, Лираэль едва заметным

движением руки подозвала меня к себе.

На ней был роскошный бордовый хитон, мягко облегающий фигуру, а тонкая золотая цепь изящно подчёркивала линию талии. Тяжёлые локоны ниспадали на плечи, придавая её облику особую грацию.

— Теперь сходство с моим любимым питомцем просто невозможно отрицать, — мягко усмехнулась она, изучая меня с ног до головы. — Ты притягиваешь взгляд, девочка. Особый.

Я склонила голову, как полагалось.

— Благодарю вас, госпожа. Ваши слова — высшая похвала.

Она положила холодную ладонь мне на плечо и сжала его. Мне всё ещё было до боли любопытно, с каким же питомцем она меня постоянно сравнивает.

— Я не планировала выводить новеньких так скоро, — продолжила она, её голос стал заговорщицким. — Но то, что я вижу... Как я могу скрывать такую находку? Скоро наступит Ночь Пылающих Маков — праздник, когда весь цвет города, все, кто обладает властью и золотом, собираются под моей крышей. И я хочу, чтобы ты танцевала. Обсуждала это с Зулией — она считает, что в тебе есть природный дар притягивать мужские взгляды. Почти магический.

Она говорила то, что, казалось, должно было льстить, но внутри меня лишь сжимался горький, тяжёлый ком. Танцевать перед этими сытыми, жадными лицами, ловить их по-

хотливые взгляды, чувствовать себя украшением на их пире...

— Я не вижу радости на твоём лице, — её голос внезапно потерял всю теплоту, став плоским и наблюдательным.

Я тут же натянула улыбку, стараясь, чтобы она достигла глаз. Нельзя было показывать отвращение. Это не то, чего она ожидала от меня.

— Простите, госпожа, я просто... волнуюсь. Ответственность велика.

— Ты права, ответственность действительно велика. Это шанс привлечь в «Багровый Полумесяц» внимание самого изысканного круга. Понимаешь, о чём я?

Она заметила тень в моих глазах и тут же смягчила тон, её голос стал почти доверительным.

— Но не тревожься, маленькая иллари. Если ты покажешь себя как надо, то займёшь особое место. Ты станешь Неприкосновенной Музой. Твоё искусство, твоя красота будут предназначены только для созерцания, для возвышенного томления. Твой «цветок» останется нетронутым — это повысит твою ценность и ореол тайны. А когда интерес достигнет пика... мы найдем того, кто предложит самую высокую цену. Но пока что ты будешь неприкосновенной.

Я лишь слабо улыбнулась в ответ. На удивление, мне даже не пришлось прикладывать особых усилий, чтобы оказаться ближе к госпоже. Она сама дарила мне своё внимание чаще, чем другим иллари. На меня, конечно, косились, но трогать

не решались — уж слишком явным был интерес Лираэль. Для Айви же я теперь стала врагом номер один. Ирония судьбы была горькой: моя странная, «неправильная» внешность, которая столько лет приносила лишь унижения, теперь стала моим главным козырем. Я превратилась в диковинку, в редкий экспонат, который притягивает взгляд именно своим отличием.

— А теперь ступай, — отпустила меня госпожа лёгким кивком. — Силма обо всём расскажет и подготовит.

Я вышла, сохраняя на лице выражение почтительной робости. В её присутствии я старалась казаться хрупкой, податливой, но внутри выстраивала план. Я сама тянулась к ней, старалась ловить её взгляд, быть на виду. Пока моя кожа была чиста от клейма, а статус — неопределён, мне запрещалось покидать западное крыло. Но я знала — это временно. Если я заслужу её доверие, привилегии последуют. И тогда... тогда я смогу свободнее перемещаться по этому дому-лабиринту, смогу узнавать, задавать вопросы. Может, даже выясню, куда увезли Дивьеру. А быть может, однажды смогу вымолить у Лираэль самый бесценный дар — выкуп сестры. Это была тонкая, почти безумная надежда, но именно она заставляла меня учить каждый соблазнительный жест, каждую фальшивую улыбку. Это была цена за шанс.

И как только Дивьера окажется рядом — мы сбежим. Вместе. Или... Некоторые из девушек вполголоса болтали о другом пути: можно выкупить свою свободу, принеся хозяйке

столько золота и славы, что та сама снимет оковы в знак особой милости. Но это звучало как сказка, красивая и недостижимая. Не то, что побег. Побег — это план. Я изучу этот дом вдоль и поперёк, найду слабые места, заведу нужные знакомства и вырву нашу свободу.

Я двигалась в сторону нашей спальни, медленно вышагивая по широкому коридору. Стук моих низких каблуков — ещё одна часть образа — отдавался эхом от гладких каменных стен.

В западном крыле была небольшая открытая терраса, где нам иногда позволяли завтракать. Белые, почти прозрачные занавески колыхались на ветру, и сквозь них на миг открывался вид на другую, запретную часть владений — внутренний двор, где тренировались воины «Багрового Полумесяца». Там госпожа Лираэль не имела власти. Этим местом правил её муж.

Его я видела лишь мельком — мужчину средних лет с яркой, харизматичной внешностью. Чёрные волосы с благородной проседью, и... пустая впадина на месте одного глаза, скрытая обычно чёрной повязкой. Шептались, что ранил его собственный раб — почти убил, в порыве отчаяния. А потом он, говорят, собственноручно размозжил тому голову о каменную плиту пола. Этот двор, эти воины — были другой формой власти, грубой и беспощадной. И в плане побега его тоже придется учесть.

7. Питомец госпожи

Мы сидели за длинным столом, а я, по привычке, устроилась в тени колыхающейся занавески, медленно поедая свежие фрукты и пресноватую кашу. Питались мы хорошо — за состоянием иллари следили тщательно. Мы должны были цвести, сиять, быть безупречным украшением.

Мой взгляд сам собой упал на девушку напротив. Её смуглую кожу прикрывало тонкое, голубое платье, сквозь которое отчётливо проступали тёмные ореолы сосков.

— На что пялишься, беланка? — усмехнулась Мирама, выпрямляя спину, чтобы подчеркнуть форму. Я встретила взглядом с её раскосыми глазами, в которых таился хищный прищур.

— Красивое платье, — уклонилась я от прямого ответа. Вообще-то, я не всматривалась — просто её внушительная грудь сама притягивала внимание.

— Госпожа подарила, — тут же засияла она, поправляя тонкую лямку на плече. — До меня дошли слухи, что ты будешь выступать вместе с нами. Многих это... задевает.

Я отправила ложку каши в рот, тщательно облизав её.

— Ничем не могу помочь. На то воля госпожи, — отстранённо произнесла я.

Из всех девушек Мирама была мне симпатичнее прочих. Она говорила прямо, без подковёрных игр.

— Совет от старшей, — она наклонилась чуть ближе, понизив голос. — Не высовывайся. Если перетянешь на себя слишком много внимания, могут быть проблемы.

Я тихо усмехнулась, откусив кусок сочного манго. Сок побежал по подбородку, и я ловко подхватила его языком.

— Ты думаешь, в моём случае вообще возможно быть незаметной? — в моих глазах играли смешинки. Вся моя жизнь была историей привлечения ненужного внимания. Раньше — негативного. Теперь же оно внезапно стало желанным. Иронично.

Мирама рассмеялась — низко. Я снова облокотилась на руку, и мой взгляд уплыл в сторону двора, где перекачивались крепкие мышцы, раздавался стук тренировочных мечей, а пот стекал по спинам и широким грудям рабов-бойцов.

— Возбуждающий вид, не так ли? — Мирама ткнула меня пальцем в бок. — Можно довести их до кипения, даже не прикасаясь. Стоит мне только встать у той балки, собрать волосы и облокотиться о забор — и вся их мускульная мощь на миг застынет, забыв о мечях.

— Невозможно спокойно есть, когда они там в таком... откровенном виде, — негромко усмехнулась я, чувствуя, как что-то внутри откликается на эту первобытную, грубую силу. — Эти набедренные повязки ровным счётом ничего не скрывают.

Здесь было странное место. Порочные мысли витали в са-

мом воздухе, и незаметно начинали окрашивать и твоё собственное сознание. Это было почти страшно — как легко принимались новые правила, как быстро стыд уступал место холодному, наблюдательному любопытству.

— Эй, ты меня вообще слушаешь? — Мирама помахала рукой перед моим лицом, её браслеты звякнули.

— Ты что-то говорила? — подразнила я её, намеренно возвращая взгляд к своей тарелке. — Осторожней. Госпожа накажет, если ты начнёшь сбивать с толку её ценный рабочий скот. Они ведь должны думать только о мечях и послушании, а не о твоих... выразительных формах.

— А ты думаешь, нас сажают завтракать здесь просто так, для пейзажа? — Мирама усмехнулась, и в её глазах блеснула мудрость, отточенная в этих стенах. — Нам дают эту... пищу для взгляда. Чтобы, когда придётся танцевать для господ, среди которых чаще попадаются сморщенные старички с жадными пальцами, мы могли бы мысленно подменить их кем-нибудь отсюда. Гораздо приятнее извиваться, представляя, что перед тобой вот эта каменная глыба с проступающими венами на руках, а не какой-нибудь урод с дряблой шеей. Но помни главное правило: смотреть можно, представлять — сколько угодно. А вот трогать... — она многозначительно приподняла бровь, — запрещено категорически.

Мои губы вытянулись в немое «о» от удивления.

— Серьёзно? — прошептала я. — Тогда для чего эти занавески?

— Нам смотреть можно. Не им, — Мирама отпила глоток воды, её взгляд стал практичным, почти циничным. — Мы здесь — богини среди рабов. У нас есть свои привилегии. Поэтому пока ты интересна и красива, пока госпожа вкладывается в тебя — ты что-то значишь. Но стоит твоей красоте потускнеть, тебя сотрут со счетов без сожаления.

Даже когда трапеза закончилась и мы покинули прохладную террасу, её слова не покидали меня. В них была суровая правда этого места. Я не могла позволить себе уязвимость. А мой стремительный взлёт, внимание Лираэль — всё это создавало не союзников, а зависть. Новых врагов.

Айви, кстати, тоже осталась среди обучающихся. Как сказала Лираэль, ей нравится её «пылкий характер и готовность к полному подчинению». Я бы назвала это иначе: Айви была готова лизать пыль с туфель госпожи, если это приблизит её к цели. Готова ли я на такое? Совру, если скажу, что нет. Если на кону будет Дивьера... ради неё я, кажется, смогу проглотить и собственную гордость, и отвращение.

Ещё меня беспокоило, как быстро Айви приняли в круг иллари. Они забирали её с собой, показывая закоулки и тайные уголки «Багрового Полумесяца», в то время как я оставалась в одиночестве. Во мне видели соперницу, внезапную фаворитку, и не желали подпускать близко. Мирама была исключением — она парила над этими мелкими интригами, оставаясь открытой со всеми. Её не волновало появление новичков; у неё был свой постоянный покровитель, богатый

торговец, который оставлял жену дома, чтобы раствориться в объятиях смуглой красавицы.

Я снова оказалась одна в нашей общей спальне и опустилась на край своей мягкой постели. Высокие окна заливали комнату слепящим светом, который смягчали струящиеся шторы, свисавшие с самого потолка до пола. Место было по-своему прекрасным, если не считать двадцати одинаковых кроватей, выстроенных по периметру комнаты, — это напоминало странный, слишком роскошный приют.

С одной из иллари я так и не пересеклась — двадцать первой. Лотос. Так её называли. Говорили, она живёт в личных покоях и является подлинной звездой «Багрового Полумесяца» — во всяком случае, пока что. На меня делали большие ставки, но Лотос оставалась недостижимым идеалом. Шёпотом передавали, что её лицо настолько совершенно, что можно утонуть в глубине её сапфировых глаз, а истории, которые она рассказывает, так затягивают, что вечер пролетает незаметно. Именно она, самая достойная, имела личные апартаменты, все привилегии и право выбирать. Главное, как оказалось, — принести госпоже не просто деньги, а славу, престиж, особый статус. Тогда, возможно, и тебе откроют дверь в отдельный мир за этой общей спальней.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появилась Силма, её лицо было красным от спешки и гнева.

— Ты почему ещё здесь! Все уже давно на занятиях по этикету ублажения! Живо!

— Я не знала, что они сегодня, — попыталась оправдаться я, торопливо поправляя складки своего молочного платья, стараясь придать себе вид послушной и собранной.

— Я вчера перед кем распиналась, что приедет госпожа Жозелия, добрая подруга госпожи Лираэль! За мной! — рывкнула она, разворачиваясь на каблуках.

Мои ноги сами понесли следом, улавливая шлейф пряностей и жареного мяса — похоже, сегодня она успела поработать и на кухне. Я ускоряла шаг, чтобы поспеть за её быстрым, раздражённым шагом.

— Кажется, госпожа ошибается, выбрав такую, как ты, — ворчала она, задыхаясь. — Бледная, словно призрак, и тощая, как тростинка. Да ни один уважающий себя господин на тебя и не посмотрит. Только кормим и учим зря!

— Знает ли госпожа, что вы так нелестно отзываетесь о её выборе? — не удержалась я, желая уколоть её в ответ.

— А я и не о её выборе! — фыркнула она. — Ты вообще в курсе, что тебя выбрали из-за схожести с Риэлой?

Мы резко свернули за угол и остановились перед простыми, но крепкими дверьми. Из-за них доносился мягкий, бархатный смех.

— Кто такая Риэла? — спросила я, желая выведать правду.

— Змея госпожи, — злорадно прошипела Силма. — Белая альбиносиха, с красными глазюками. Ну точь-в-точь как ты.

Я встретила её взгляд, и что-то холодное и острое кольнуло внутри.

— Ну что ж, — сказала я ласково, не смея удержать язык за зубами. — Может, схожест у нас не только внешняя. Смотрите, чтобы мой яд однажды не поразил и вас.

Её рука молниеносно взметнулась и звонко шлёпнула меня по лицу. Боль была острой, унижительной.

— Запомни, острота языка — дар, который могут позволить себе те, у кого есть защита, — прошипела она, её глаза сузились. — У тебя её нет. Сегодня я составляю список девушек для праздника. Имён мы не называем, только красивые прозвища, чтобы будоражить воображение посетителей. И раз уж тебе так понравилось это сравнение... — в её голосе прозвучала ядовитая усмешка, — Тебя представят как «Белая змея»...

8. Уроки ублажения

Я неспешно вошла в комнату. Пол был усеян мягкими подушками, на которых полукругом сидели остальные иллари. Моя щека ещё пылала, и я не стала скрывать красный отпечаток пальцев — пусть видят, плевать.

В центре, перед девушками, стояла женщина с утончённой фигурой и шикарными волосами. В её руках был странный предмет из полированного тёмного дерева — что-то отдалённо напоминающее змею, но с раздутой, неестественной головой и двумя выпуклостями на конце. Неприглядная, откровенная вещь.

— О, кажется, ты и есть Луна, — мягко сказала она, поворачиваясь ко мне. Её улыбка была искренней, даже тёплой, что резко контрастировало с атмосферой этого места. — Лираэль рассказывала о новой иллари. Ты действительно... необычна. Не стой на пороге, присаживайся к остальным. Мы как раз перешли к самой сути.

Я опустилась на свободную подушку рядом с Мирамой, чувствуя, как на мне фокусируются десятки любопытных взглядов.

— Почему ты мне не напомнила об этих занятиях? — тихо прошептала я, не поворачивая головы.

— Если бы я сама о них не забыла, — так же тихо отозвалась Мирама, лёгкая улыбка играла на её губах.

Жозелия тем временем подняла деревянную фигурку, и в комнате воцарилась тишина.

— Сначала — лёгкая прелюдия, — её голос стал низким, наставляющим. Она высунула кончик языка и медленно, с преувеличенной выразительностью, обвела им основание фигурки, там, где «голова» переходила в «тело». — Нежно, почти не касаясь. Цель — разбудить интерес, заставить «друга» вашего господина... встрепенуться в ожидании. Он должен почувствовать щекотку возбуждения ещё до вашего прикосновения. Это искусство намёка.

— Продолжайте медленно, — произнесла Жозелия, её движения были непонятными мне. — Не торопитесь поглощать. Пусть он почувствует каждую точку контакта.

Она обхватила фигурку губами, демонстрируя, как мягко опускаться вниз, не забывая о языке.

— Язык — ваше главное оружие! Им можно нарисовать целую историю. Вот так, — она провела кончиком языка вдоль фигурки, — это обещает. А вот так, — сделала лёгкое вращательное движение, — это дразнит. Помните: вы управляете темпом. Ускорение должно приходить волнами, будто вы сами теряете контроль, но никогда не теряйте его на самом деле.

Она отвела фигурку от губ, оставив её влажной и блестящей.

— И когда вы чувствуете, что напряжение достигло предела... замедлитесь. Заставьте его молить. Покажите какую

власть имеете над ним. А потом... — она вновь обхватила фигурку губами, на этот раз глубже, демонстрируя уверенное, но плавное погружение, — дайте то, что он хочет. Но на ваших условиях. Запомните: в этом доме вы продаёте не тело. Вы продаёте мечту. И самая дорогая мечта — та, которую невозможно полностью осуществить, но можно бесконечно желать.

— Но как можно взять это в рот? — тут же вырвалось у Айви, её лицо исказило отвращение. — Отвратительно.

Тут же в моей голове пазл сложился. Эта деревянная фигурка... это мужской орган. И она учила нас, как правильно... Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки, и с моих губ сорвался короткий, нервный смешок. Глупая Айви тут же бросила на меня взгляд, полный ярости, приняв этот звук на свой счёт.

— Девочка, — голос Жозелии оставался бархатным. — Если ты хочешь заслужить не просто место у стены, а право на выборочную близость — право самой решать, кого осчастливить своим вниманием, а кого оставить в фантазиях, — то тебе придётся научиться задвигать отвращение на второй план. То, что для них — низменная потребность, для тебя станет инструментом власти. Ты не берёшь в рот «это». Ты принимаешь в себя их слабость, их похоть, их самомнение — и переплавляешь это в свою силу, в своё влияние. Сделав его счастливым, ты делаешь его зависимым. А зависимый мужчина — это мужчина, который будет платить,

чтобы снова занять твоё внимание. Он будет возвращаться, обогащая тебя, а в конечном счёте — и этот дом. И тогда, возможно, однажды ты получишь право не делать этого во-все. Но путь к такой свободе лежит через умение делать это безупречно.

— К чему нам эта деревяшка? — вдруг рассмеялась Ми-рама, её голос был полон игривого вызова. — На этом сухом стручке ничего не понятно! Вот бы увидеть живую натуру.

Жозелия мягко опустилась на подушки и отставила ужас-ную фигурку в сторону. Я старалась не смотреть на неё — она казалась мне чем-то грязным. *Неужели у мужчин дей-ствительно такое...* Фу.

— Если Лираэль даст добро, — загадочно улыбнулась Жо-зелия, и в её глазах вспыхнул огонёк, — на одного из воинов господина Дирана... на самого привлекательного... я мог-ла бы продемонстрировать это на нём. Он мог бы стать на-шим... живым учебным пособием. Так кто вам больше всего нравится?

В комнате повисло возбуждённое молчание, а затем её за-полнил сдержанный, полный оживления шёпот. Девушки пе-реглядывались, на щеках некоторых появился лёгкий румя-нец. Для меня же вся эта ситуация оставалась дикой и оттал-кивающей. Превращать такое... такое деяние в публичный урок, прикрываясь «учебными целями»... Это казалось выс-шей степенью разврата.

— Пусть это будет Арон! — воскликнула рыжеволосая

иллари с другого конца круга.

— Нет! Каэль! — тут же парировала другая, её глаза загорелись. — Ты видела его тело? Глаз не отвести!

— Да, Каэль... определённо хорош, — тут же вмешалась Мирама, медленно облизнув губы.

Я невольно поморщилась от всей этой откровенности. И в этот момент взгляд Жозелии остановился на мне.

— Луна, — её голос был лёгким, вопросительным. — Ты уже успела как следует рассмотреть воинов «Багрового Полумесяца»?

— Нет, возможности не представилось, госпожа, — ответила я быстро, почти машинально, желая только одного — уйти из-под прицела её внимания.

— Называй меня учителем, — она мягко рассмеялась. — Я не ваша хозяйка. Думаю, такая возможность у тебя появится. Ведь совсем скоро — Ночь Пылающих Маков. А господин Динар, как я слышала, планирует выставить на показательные бои лучших из лучших. Уже не терпится посмотреть.

Я лишь кивнула, опустил глаза. Мысли о боях, о крови, о этих грубых, потных телах, которые будут биться на потеху пьяной публике, вызывали во мне не возбуждение, а горькую тошноту. Всё в этом месте, даже красота и сила, было поставлено на службу чужому удовольствию. И мы, и они — всего лишь развлечение.

Жозелия продолжала свой урок, но я уже слушала её

вполуха. Надеюсь, что эти знания мне никогда здесь не пригодятся. Танцевать — одно, но это... это было за гранью.

Мирама слегка пододвинулась на подушке, и её плечо коснулось моего.

— Если хочешь, можешь вечером помочь мне отнести воинам воду, — прошептала она. — Заодно и полюбишься вблизи.

Было ли мне любопытно посмотреть на воинов? Нет. Хотелось ли мне изучить территорию господина Дирана? Конечно.

— Было бы здорово, — осторожно согласилась я. — Но разве мне положено бродить по коридорам без клейма? И разве иллари занимаются такой работой?

— Одной — нет, — кивнула Мирама. — Но если я возьму тебя под своё крыло и под свою ответственность... ничего страшного. А насчёт работы... многие только и мечтают о такой возможности. Оказаться на территории воинов, увидеть их тренировки не сквозь занавески, а вблизи... — она томно вздохнула и помахала рукой перед лицом, будто от вспышки жара. — Ух.

— Тебе точно ничего не будет? — спросила я, понизив голос. — Я переживаю. Силма меня невлюбила, и она не оставит случая наказать не только меня, но и тебя, если решит, что ты покрываешь мои проступки.

— Сегодня крупная поставка вин и сыров, праздник ведь через два дня, — так же тихо ответила она, и в её глазах

блеснула озорная искра. — У неё просто не будет времени следить за каждой пташкой в клетке.

— Тогда отлично, — я не удержалась от лёгкой улыбки.
— Мне и самой любопытно, отчего весь этот сыр-бор. И кто они такие, эти воины, из-за которых все тут теряют голову.

9. Воины

Я семенила следом за Мирамой, стараясь удержать равновесие. Тяжёлый глиняный кувшин с водой оттягивал мои руки, и мышцы ныли от непривычной нагрузки, но я упрямо держалась рядом со своей новой, пока что единственной союзницей.

Прямой, широкий коридор был залит тёплым светом уходящего солнца. Оранжевые лучи играли на белоснежных колоннах, отбрасывая длинные тени. Впереди колыхались тяжёлые, узорчатые шторы — последняя преграда, скрывающая от глаз двор. Тот самый, который наполняли мускулистые воины, не особо меня интересовавшие... ну, может, чуть-чуть.

Мирама заставила меня надеть платье поплотнее, из грубой ткани, скрывающей плечи и грудь. «Господин Диран может быть строг к таким вольностям, — пояснила она. — Мы не должны привлекать внимание. Просто поставим воду и уйдём».

Ещё до того, как вышли за пределы дома, до моих ушей донеслись резкие выкрики, тяжёлое дыхание и сухой стук тренировочных мечей. Что-то внутри меня ёкнуло, сжалось в холодный комок.

— Готова погрузиться в мир тестостерона и пота? — с усмешкой спросила Мирама.

Я лишь кивнула, крепче сжимая ручки кувшина.

И как только мы спустились по широким каменным ступеням, картина открылась во всей своей грубой, неприкрытой силе. Западный двор «Багрового Полумесяца» был огромным, вытоптаным полем без единой травинки. Мужчины — их было не меньше тридцати — сражались в парах, их тела блестели от пота в косых лучах заката. Я быстро, почти испуганно отвела взгляд, уставившись себе под ноги. Последнее, что мне было нужно, — это споткнуться и разбить кувшин!

— Мы с дарами! — звонко, почти игриво объявила Мирама, ступив на утрамбованную землю.

Я украдкой окинула взглядом пространство. Позади, вдоль высокой каменной стены, виднелись низкие, с решётками вместо окон, постройки — жилье воинов, должно быть. И крошечная, но крепкая дверь в самой стене.

Я проходила мимо воинов, и их уверенные движения, секунду назад, вдруг стали неестественно медленными, прерывистыми. Наконец поставив свой кувшин в тень под низким навесом, я медленно обернулась.

На меня смотрели. Практически все. «Вот чёрт...»

Пока Мирама о чём-то оживлённо беседовала с их наставником — суровым мужчиной со шрамом через бровь, — я так и осталась стоять под навесом, беспомощно сцепив руки перед собой.

Один из воинов, казавшийся моложе других, с тёмными кудрями, прилипшими ко лбу от пота, помахал мне ру-

кой. Его улыбка была открытой, почти мальчишеской, а тело, хоть и мускулистое, не было таким мощным, как у остальных. Он не выглядел опасным. Я невольно мягко улыбнулась в ответ.

— Эй, Доэн! Быстро к стене! — рывкнул наставник, не оборачиваясь, будто у него на затылке были глаза.

Доэн лишь шире ухмыльнулся и, проходя мимо меня так близко, что я почувствовала исходящий от него мужской запах, тихо бросил:

— Ни о чём не жалею. Даже один твой взгляд стоит всех наказаний в мире.

Он подмигнул, и мои щеки вспыхнули так быстро и жарко, будто меня ошпарили. По двору прокатился сдержанный, понимающий смех. Я почувствовала себя полной дурой, над которой просто потешаются.

Но один из них не смеялся. Он... изучал меня. Да, именно так я бы назвала этот пристальный, внимательный взгляд. Я не отвела глаз — напротив, уставилась на него с таким же упрямым выражением.

У него была тёмная кожа и невероятно выразительная мускулатура. Острые скулы, прямой, волевой нос. А глаза — добрые, без тени насмешки. И всё же вся его фигура излучала опасность. В руках он держал не привычный меч и щит, как другие, а два меча.

Он явно не был обычным воином.

Когда наставник вновь окликнул их и тренировка возоб-

новилась, я не могла оторвать взгляда от его движений. Как ловко он парировал удары противника! Каждое движение было наполненное силой и грацией. В его руках два меча превращались в смертоносный танец, в котором не было ни единой лишней детали.

— О, девочка, — протянула Мирама, подойдя сзади и проследив за моим взглядом. Её голос звучал с одобрительным пониманием. — Вставай в очередь. Этот парень — лакомый кусочек.

Я фыркнула, стараясь придать голосу равнодушие, и резко отвернулась, направляясь обратно к дому. Мои щёки всё ещё горели, но теперь не только от смущения, но и от досады — на себя, на эту ситуацию, на то, что меня так легко прочитать.

— Что, даже его имени не спросишь? — не отставала Мирама, поднимаясь за мной по ступеням, и в её тоне слышалось весёлое подначивание.

— Не интересно, — отмахнулась я, приподнимая подол платья, чтобы не споткнуться, и ускорила шаг.

— Его зовут Каэль, — догнала она меня своим голосом.

Я не обернулась, но в моём шаге появилась лишняя твёрдость. Каэль. Теперь у этого взгляда было имя. И, как ни странно, это делало его менее абстрактным и... чуть более опасным. Имена обладали силой привязывать внимание. А моё внимание сейчас должно было быть занято другим. Гораздо более важным.

— О чём говорила с их наставником? — сменила я тему,

пытаясь звучать просто любопытствующей.

Она поравнялась со мной, и мы вошли обратно в прохладную полутьму дома, уже рука об руку.

— Да так... ни о чём, — её ответ прозвучал слишком быстро, и лёгкий румянец, выступивший на скулах, выдавал её с головой.

— Мирама, — я остановилась, развернулась к ней и позволила себе хитрую, дразнящую улыбку. — Ты... и наставник?

— Тише ты! — она дёрнула меня за рукав, с силой увлекая за собой в небольшое подсобное помещение, заставленное полками с мешками и кувшинами с водой. — Между нами ничего нет! Хоть он, конечно... и в моём вкусе. Но ты сама понимаешь. Отношения между рабами — строжайшее табу. И пересекаться нам позволяют только с разрешения госпожи, да и то господин Динар этого не одобряет. Был... один случай. Очень давно.

— Что за случай? — тут же спросила я, чувствуя, как по коже пробежали мурашки.

Мирама сделала шаг назад и бесшумно прикрыла дверь, но прежде осторожно выглянула в коридор, проверяя, нет ли поблизости чужих ушей. В тесной комнатке, пропитанной запахом пряностей, воздух стал почти удушающим.

— Здесь о таком не распространяются, милая Луна, — её голос понизился до почти неслышного шёпота. — Но я расскажу тебе, чтобы ты никогда и в мыслях не допускала

ничего подобного.

Она присела на край пустого ящика.

— Однажды, в стенах этого дома, воин и иллари полюбили друг друга. Говорят, это была не просто похоть — что-то настоящее. Госпожа Лираэль даже разрешила им быть вместе. Видела, что её иллари стала только прекраснее от этого чувства, а воин её супруга дрался на арене как одержимый, чтобы заслужить право... ну, быть рядом. Длилось это недолго. Однажды на празднике один очень могущественный господин, важный гость господина Дирана, стал слишком настойчиво приставать к той иллари. Прямо на глазах у её воина. Тот пытался сдержаться, ты же понимаешь, какая здесь дисциплина... Но когда этот господин, уже пьяный от власти и вина, усадил её к себе на колени, требуя продолжения... воин не выдержал.

Она замолчала всего на мгновение.

— Он не просто вступился. Он убил его. На месте. Одним ударом, почти отсек голову на глазах у всей почтенной публики. Наутро их обоих вывели во внутренний двор. Воину переломали сначала все кости, чтобы он не мог стоять, а потом... потом заставили его смотреть, как ту самую иллари, его иллари, поочерёдно насилуют все воины этого дома. Пока она не перестала дышать. А его самого живём замуровали в стену, оставив лишь щель для воздуха. Говорят, он кричал трое суток. Потом стих. Его кости до сих пор там, в стене. Их историю здесь не забыли. Её помнят в каждой пор-

ке, в каждом наказании, в каждом запретном взгляде. Это не просто правило, Луна. Это — закон, написанный кровью. Так что держи свои глазки и свои мысли при себе.

История повергла меня в немой шок. Такая бессмысленная, изощрённая жестокость казалась немыслимой. Они просто любили друг друга. И эта любовь обошлась им слишком дорого.

Мы вернулись в нашу общую спальню, и желание даже мельком посмотреть на кого-либо из рабов испарилось навсегда. Мне хотелось думать, что Мирама просто пугает меня страшилкой, но выражение её лица, её искренний тон говорили об обратном. Это была не сказка. Это была их повседневная реальность.

Я опустилась на свою кровать, нервно перебирая пряди волос. Тишину нарушила одна из девушек — с пышными формами и ядовитым взглядом. Она поднялась, как только Мирама направилась к общему гардеробу, начав снимать своё платье, обнажая смуглую кожу.

— Только не говори, что ты везде за собой таскаешь эту страшилку, — её голос прозвучал резко, на грани презрения.

Я подняла глаза. От Айви можно было ожидать подобного, но что я сделала этой конкретной девушке? Я даже имени её не знала.

— Руфия, успокойся, — без повышения голоса сказала Мирама, накидывая на плечи простую белую накидку. — Девочка не может сидеть в четырёх стенах вечно. Она теперь

наша сестра. Мы здесь все в одной лодке, к чему эти перепалки?

— Она позорит само звание иллари! — Руфия перекинула густые чёрные волосы через плечо. — Ты только посмотри на неё! Нас всех на смех поднимут, если это бледное пугало выведут танцевать рядом с настоящими женщинами.

Я почувствовала, как десятки глаз уставились на меня, оценивая, взвешивая.

— Сейчас ты оскорбляешь выбор нашей госпожи, — уже не так спокойно бросила Мирама. — Попридержи язык. Или ты думаешь, твоё мнение весомее мнения госпожи?

Руфия прикрыла рот ладонью, сдерживая смех.

— Госпожа повелась на её диковенную внешность, но за ней — пустышка, — процедила она, бросив на меня язвительный взгляд.

«И это меня здесь называют змеёй? Да каждая вторая тут в разы ядовитее!» — пронеслось у меня в голове.

Я медленно поднялась на ноги. В памяти всплыл образ Дивьеры — её непоколебимая осанка, ледяной взгляд, способность одним словом поставить на место любого. «Нельзя вечно сидеть и молчать. Я обязана показать, что тоже чего-то стою».

Шагнув вперёд, я остановилась прямо перед Руфией. Разница в росте и телосложении была очевидна: я не могла похвастаться ни высоким ростом, ни совершенными формами. Но в этот момент всё это вдруг показалось несущественным.

«Да, я не богиня. Но я — это я. И я устала прогибаться под чужие ожидания».

Здесь не было моей сестры, которая могла бы вступить. И это, как ни странно, придавало сил.

Я расправила плечи, подняла голову и встретила с Руфией взглядом. В груди разгоралось непривычное чувство.

— Знаешь, Руфия, удивительно, ты говоришь, я позорю иллари? Я же смотрю на тебя и вижу лишь роскошный сосуд, наполненный до краёв... завистью и злобой. Великолепная упаковка — и абсолютно ничтожное содержимое. Госпожа Лираэль видит во мне нечто особенное. В тебе же... Стандартный образец, каких везде предостаточно. Ты опасаясь, что я отниму твоё внимание? Напрасно. Мне не нужно твоё место. У меня иные цели.

Её лицо вспыхнуло некрасивым румянцем, проступившим неровными, пятнистыми разводами. На мгновение она замерла, а затем резко замахнулась, но её руку молниеносно перехватила Мирама — с такой силой, что Руфия невольно вскрикнула от боли.

— А девочка-то с зубками, не находишь? — тихо, почти ласково произнесла Мирама ей на ухо.

Руфия рванулась, пытаясь высвободиться, но хватка Мираны не ослабла. С трудом высвободившись, она, шипя от досады, прошла мимо меня и направилась к своей постели, нарочито громко швырнув на неё накидку.

Я осторожно опустилась на край своей кровати и маши-

нально принялась распутывать пальцами волосы. Мирама мягко опустилась рядом, её вес слегка продавил матрас.

— План быть тихой мышкой, похоже, провалился, милая, — прошептала она, склоняясь к моему плечу так, что её слова были слышны только мне. — Теперь ты у них на прицеле. Их нападки могут стать для тебя... привычным делом. Но сегодня ты показала Руфии её место. Думаю, она это надолго запомнит.

Она тихо рассмеялась, и в звуке не было злорадства — лишь одобрение.

— На самом деле я не такая смелая, — так же тихо призналась я, глядя на свои дрожащие пальцы. — Она просто вывела меня из себя.

— Не беспокойся, — её рука легла мне на колено, успокаивающе. — Я видела, как ты двигаешься. И формы твои... пусть и не такие пышные, но в них есть своё изящество. Они притягательны. Я уверена, ты отлично проявишь себя на Но-чи Пылающих Маков.

Её доброта была такой неожиданной, такой необусловленной, что меня это даже слегка смутило. Но я накрыла своей ладонью её руку и слегка сжала в благодарность.

— Скажи мне, Мирама, — мой шёпот стал ещё тише, — какой здесь самый простой способ обрести свободу?

Она откинулась, и её улыбка стала загадочной, почти грустной.

— Ты здесь всего ничего, а уже хочешь сбежать? — она

фыркнула, бегло окинув взглядом комнату. Нас никто не слушал, все были заняты собой. — Что ж... есть один способ. Попроще. Найди себе богатого покровителя. Не клиента на ночь, а именно покровителя. Зацепи его так, чтобы он влюбился не в тело, а в твой образ, в свою мечту о тебе. И уговори его выкупить тебя у госпожи. Но будь умна — требуй не просто перевода в другой дом, а вольную. Полную, безоговорочную свободу. Без оков и обязательств. Это почти невозможно, но... это один из законный шансов выйти отсюда живой и на своих ногах.

10. Золотая «одежда»

Весь «Багровый Полумесяц» бурлил, как перегретый котёл. Танцы прекратились — нам дали время набраться сил, ведь уже вечером нас ждала настоящая работа. И, возможно, уже сегодня ночью мне предстояло заслужить клеймо госпожи — тот самый полумесяц на предплечье. Мысль об этом заставляла сжиматься желудок. Я не хотела этого — быть помеченной, как скот. Но если я хочу свободно передвигаться, изучать дом, искать зацепки... придётся смириться.

Слуги сновали повсюду. Всё утро мы провели в купальне, где служанки вымывали нам волосы до скрипа и наносили на них масла, превращая их в тяжёлый, блестящий шёлк.

Я нервничала. Не знала, как смогу двигаться под десятками голодных, оценивающих взглядов. Но пока меня грела одна мысль: мне не придётся делать ничего «грязного». Никто ко мне не притронется — я буду «Неприкосновенной Музой». Эта хрупкая надежда держала меня на плаву.

Я обдумывала варианты. Совет Мирамы о покровителе крутился в голове, но я мысленно переиначила его: если найдётся богач, готовый выкупить не меня, а Дивьеру, дать ей свободу... я готова буду служить ему. Сестра была важнее. Всё остальное — детали.

Мирама сидела рядом на низком табурете, в то время как мне на лицо наносили что-то холодное и пахучее.

— Я хочу подкрасить ваши ресницы, — тихо сказала рабыня, одна из тех забитых, безвольных девушек из «низов», участью которых нас так часто пугали. — Они слишком светлые, взгляд теряется.

Я просто кивнула. Я ничего не понимала в этих приготовлениях. Если она так считает, значит, так надо.

Последним штрихом стала золотая краска в маленькой фаянсовой чаше. Служанка нанесла несколько изящных линий у моих висков и на скулах, а затем без выражения в голосе сказала:

— Раздевайтесь.

Я вопросительно посмотрела на Мираму. Та лишь глупо ухмыльнулась, и в тот же миг служанка, будто наказав её за эту усмешку, случайно ткнула ей в глаз палочкой с чёрной мазью. Мирама шикнула от боли.

— Зачем раздеваться и мазать тело? — спросила я, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Нам же выдадут платья?

В ответ в небольшой, заставленной зеркалами комнате грянул взрыв смеха. Остальные иллари, которым всё ещё украшали лица, смотрели на меня с откровенным глумливым весельем.

— Луна, ты такая несмышлёная, — сквозь смех проговорила одна из них, вытирая слёзы. — Мы танцуем абсолютно обнажёнными. Золотая краска — это и есть наше «платье». Она скрывает... ну, самые интимные места.

Мой рот беззвучно открылся. Надежда, что я смогу остаться хоть в чём-то, хоть в тонкой ткани, рухнула с оглушительным треском.

Кисть скользила по коже, вызывая мурашки. От прохлады краски и от стыда мои соски затвердели, и я, сгорая от стыда, отвела взгляд в сторону.

— Идеально розовые, — с лёгкой, почти завистливой ноткой протянула рыжеволосая иллари, чьё имя я так и не запомнила. — даже завидно.

Они пилились. И это было лишь предвкушением того, что ждало меня вечером. Ведь самое унижительное было впереди. Кисть остановилась, и рабыня подняла на меня свой пустой, уставший взгляд.

— Расширьте ноги.

Я покраснела так, что, казалось, краснота выступит сквозь золотую краску. Мышцы ног свело от напряжения, но я подчинилась, раздвинув ноги. Она склонилась ниже, её дыхание коснулось кожи, и холодная кисть двинулась дальше — по гладкой, обработанной коже, касаясь самого сокровенного. Каждое прикосновение было безликим. Затем она обошла меня сзади, и унижение стало полным. Я стояла, сжав кулаки, глядя в одну точку на стене, стараясь отключиться, уйти мыслями далеко-далеко. К морю. К Дивьере. Туда, где я ещё не была.

В самый неподходящий момент дверь отворилась, и в комнату вошла Лираэль. Я замерла в нелепой, откровенной

позе, служанка всё ещё наносила краску у меня за спиной. Госпожа обвела взглядом комнату.

— Сегодня очень важный день, мои милые иллари, — её голос, чистый и звонкий, заполнил пространство. — Я хочу, чтобы вы выложились по полной. Наш дом посетят гости из соседнего города — люди с тяжёлыми кошельками и изысканными, уставшими вкусами. Ваша задача — заставить их забыть об усталости и захотеть платить. Платить много. Ария!

Рыжеволосая иллари вздрогнула, услышав своё имя.

— В прошлый раз ты проявила себя... не на высоте. Сегодня твоя роль иная. Ты будешь разливать вино за столом у одного особого господина. Говорят, он очень богат. Я хочу, чтобы к концу вечера он не просто опустошил свой кошелёк, а выложил из него сумму за ночь с тобой. Сделай так, чтобы ему казалось, что это была его идея. Понимаешь?

Ария кивнула, её лицо стало сосредоточенным.

— Мирама, — Лираэль перевела на неё взгляд и тепло улыбнулась. — Ты, как всегда, бесподобна. Сегодня ты будешь танцевать рядом с Лúной. Я вижу, вы нашли общий язык. Ты отвечаешь за неё. Её первый выход — он должен быть безупречным. Я выбрала вас обеих не просто так. Ваша контрастность — твоя страсть и её... ледяная загадка — должна сводить с ума. Работайте в унисон. Покажите им красоту, которой они никогда не видели.

— Да, госпожа, — хором ответили мы с Мирамой. Я бы

склонилась в поклоне, если бы не находилась в столь обнажённом и уязвимом положении.

— Айви, — продолжила Лираэль. — Ты будешь помогать Арии. Не мешайся под ногами и, о боги, не вздумай лебезить перед гостями. Сегодня ты наравне с низшими рабынями. Докажи, что хоть чего-то стоишь и я не зря потратила на тебя монеты.

Айви покраснела до корней волос, но молча, с дрожью в подбородке, склонила голову.

Лираэль прошлась взглядом по остальным иллари, раздавая указания, оценивая, внося последние коррективы.

Тем временем со мной завершили работу: последняя капля золотой краски легла на кожу. Я медленно обернулась к зеркалу, чтобы оценить труд рабыни... и замерла.

«Это не я».

Мои глаза — бледные, невыразительные — теперь горели невероятной глубиной. Чёрные ресницы, словно удлинённые искусной рукой, оттеняли их, придавая взгляду загадочность. Пухлые губы, окрашенные в нежный персиковый оттенок, казались ещё сочнее. Бледная кожа приобрела здоровый, тёплый тон, а алые глаза... они заиграли новыми гранями.

Золотая краска легла на лицо лёгкими, нарочито небрежными мазками. Она полностью скрывала грудь, изящно очерчивала бёдра и деликатно подчёркивала треугольник между ног. В каждом движении краска переливалась, созда-

вая иллюзию живого, дышащего покрытия.

Я прикоснулась к своему отражению, словно пытаюсь убедиться, что это действительно я. Но в глубине души понимала: сегодня я — не просто иллари. Сегодня я — образ, созданный по воле госпожи. И от того, насколько убедительно я его воплощу, зависит моя судьба.

Я обернулась в сторону Мираны. Она завязывала тонкие золотые плетёнки на ногах, обвивая их от щиколотки до самой икры. Веребочки красиво переливались, подчёркивая изящество её лодыжек.

— Не подведи меня сегодня, хорошо? — улыбнулась она, заметив мой взгляд. Я сознательно избегала смотреть на её грудь, такую выразительную, что её сложно было игнорировать.

— Это и в моих интересах, — тихо ответила я. — Помнишь наш разговор?

Я намекнула на ту беседу о богатом покровителе. Она лишь слегка повела плечом, и её улыбка стала чуть более напряжённой, но не потеряла тепла.

— Помню, — просто сказала она и выпрямилась, поправляя волосы. — Так что танцуй так, чтобы в тебя невозможно было не влюбиться.

Я тихо усмехнулась. Влюбиться в такую, как я — задача из разряда фантастических, но я не стала озвучивать эту мысль.

— Постараюсь.

11. Выход

Тягучая, сладковатая музыка уже витала в воздухе, просачиваясь сквозь тяжёлую ткань занавеса. Наш выход был на носу. Судя по учащённому дыханию и тихим шёпотам вокруг, я была не единственной, кто нервничал.

Мирама поймала мою ладонь, и её прикосновение было успокаивающим.

— Мне тоже было страшно в первый раз, — прошептала она, поправляя золотой венок из искусных цветов на моей голове. — Но сегодня ты должна произвести впечатление. И это впечатление должно быть совершенным. Просто представь, что никого нет. Отдайся музыке. Она выведет тебя.

Я лишь кивнула, чувствуя, как комок в горле становится меньше.

— Поприветствуйте, Ночная Калла! — с другого конца занавеса донёсся громкий, чёткий голос Силмы.

Моё сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышат все.

— О, это мой выход, — улыбнулась Мирама. — Запомни, когда позовут тебя, просто красиво пройди и встань рядом со мной. Но не слишком близко. Удачи.

Она отпустила мою руку и, с плавным движением бёдер, откинула занавес. На миг мелькнул ослепительный свет. Потом ткань сомкнулась, и я осталась в полумраке, слушая, как

зал взрывается гомоном голосов.

Я стояла чуть в стороне от общей группы, на островке тишины, который образовался вокруг меня после стычки с Руфией. От меня отгородились. Я стала изгоем среди иллари, и только Мирама, была по-прежнему добра ко мне. Я ловила себя на мысли, что хотела бы уйти вместе, когда наконец найду Дивьеру и вырвусь отсюда. Но, кажется, её всё устраивало. Ей нравилось сиять под взглядами, нравилась эта игра, даже вино по вечерам в минуты благосклонности госпожи Лираэль было для неё не унижением, а привилегией.

— Стрелиция! — прокричала Силма.

Следующей вызвали Арию. Она прошла мимо меня, её рыжие волосы горели в свете факелов, и, поравнявшись со мной, звонко щёлкнула языком, почти вплотную к моему уху.

— Такая милая, незащитная пташка, — прошипела она с притворной жалостью. — Жаль, что здесь таких быстро съедают.

Это что, теперь коллективное унижение? Я не дрогнула. Вместо этого я медленно повернула к ней голову, и на моих губах расцвела такая же сладкая, ядовитая улыбка, какой она только что наградила меня.

— Заботься лучше о своих перьях, пока они ещё на тебе, — прошептала я так тихо, что это было слышно только ей.

Одна за другой иллари выходили навстречу свету, принимая свои цветочные имена. Даже Айви вызвали, наградив

прозвищем «Цветущая Лилия». Звучало мило и невинно, но я-то знала, какое клеймо приготовили для меня. Я буду единственной змеей в этом царстве цветов. Быть может, это и к лучшему — выделит, запомнится.

— И последняя, новая диковинка дома «Багрового Полумесяца» — «Белая Змея»! — прокричала Силма, и я была готова поклясться, в её голосе слышалось откровенное, злорадное ехидство.

Осторожно оттянув занавеску, я шагнула в свет. От открывшегося зрелища внутри что-то перевернулось и застыло.

Яркий свет люстры заливал пространство. Ровные светлые стены украшали изящные росписи с образами божественных дев под величественными арками. Всё самое тёмное и сокровенное, видимо, происходило именно здесь, в недрах этого позолоченного ада, на нижних этажах.

Я медленно зашагала по узкой мраморной дорожке, инкрустированной золотыми прожилками. По обеим её сторонам тянулись длинные, светящиеся бирюзой бассейны. Гости ещё не сидели за столами — они стояли плотным полукругом у самой кромки воды, и их жадные взгляды впились в меня. Я была новинкой. Диковинкой. И вызывала интерес.

И как бы ни хотелось скрыться, прикрыться, сжаться — я этого не сделала. Нет. Я расправила плечи, выпрямила спину до предела и пошла. Одна рука лежала на бедре, подчёрки-

вая линию талии, другая свободно свисала. На лицо я наложила лёгкую, почти насмешливую улыбку — ту самую, которой отвечала на издёвки.

Зал был полон. Мужчины в богатых, но не стесняющих движений одеждах, женщины в лёгких, открытых платьях — все они смеялись, пили, ждали зрелища. Я старалась смотреть прямо перед собой, не вертя головой как деревенская дуручка, хотя именно ею и была.

Пока я осторожно спускалась по невысоким ступеням, глазами ища в толпе Мираму, до меня донёсся чей-то язвительный голос:

— Лираэль совсем сошла с ума, — неприятно рассмеялась девушка с высокой, сложной причёской, в белоснежной, струящейся до пола накидке, которая скрывала всё, кроме голых плеч и глубокого выреза груди. — Она же похожа на лысую крысу. Какая уж тут змея.

А публике я, судя по всему, не особо пришлась по душе. На их лицах застыло не восхищение, а скорее шок, смешанный с брезгливым любопытством. Мои глаза — эти красноватые радужки — всегда пугали простолюдинов, что уж говорить об изнеженной знати. Шёпот стал громче, я ловила обрывки: «альбинос...», «смотреть страшно...», «что Лираэль себе позволяет...».

Наконец я заметила Мираму. Она замерла в изящной позе между двумя гигантскими статуями обнажённых женщин. Статуи были настолько реалистичными, с проработанными

мышцами, теньями в складках кожи и даже мелкими трещинками у суставов, что на мгновение мне показалось — это замершие, покрытые краской живые девушки. Меня передёрнуло от жути.

Я встала через одну статую от Миранды, выбрав позу, которую подсмотрела когда-то на фреске в нашей старой церкви — позу богини плодородия. Одну руку вытянула над головой, изящно согнув в локте, ладонь раскрыла, словно принимая благословение небес. Другую руку протянула в сторону зала, но не приглашающе — а скорее отстранённо, будто даря видение, которого они недостойны. Глаза же устремила вверх, к сводчатому потолку, где клубился дым от благовоний. Так я не видела их лиц, их насмешек. Я была статуей среди статуй — холодной, идеальной и недоступной для их осуждений.

Когда передо мной остановилась пара мужчин, я внутренне сжалась. Не глядя на них прямо, лишь краем глаза я замечала их силуэты и ощущала на коже изучающий взгляд. Мысленно я была далеко отсюда. В ушах звучала не музыка, а слова сестры: «Выживи. Любой ценой. Забудь о гордости и стыде. Делай всё, что прикажут».

И я делала.

Музыка сменилась — стала глубже, ритмичнее, наполнилась ударами барабанов. Остальные иллари начали танец. Я последовала за ними.

Я отключила разум, отдавшись телу и памяти движений, вбитыми в меня Зулией. Плавный наклон головы, скольжение ладони от ключицы к груди — едва касаясь кожи, затем по дуге живота. Я мягко выгнулась, проведя волну позвоночника от копчика до шеи, словно под кожей пробежала живая, гибкая сила.

Затем вступили бёдра. Это уже не было простым показыванием — это был язык. Медленный, отточенный вихрь: таз описывал восьмёрку в воздухе, то сжимаясь, то раскрываясь с ленивой грацией. Движение рождалось в самом низу живота, перекачивалось по бёдрам и растворялось в лёгком трепете — словно хвост змеи, замершей перед броском. Я сделала шаг в сторону, а бёдра устремились в противоположную, рисуя в воздухе невидимые завораживающие петли. Каждый мускул был под контролем, каждое колебание становилось частью рассказа — я не понимала его, но гости читали без труда. Это была не похоть, а древняя магия движений — гипнотическая, первобытная. Она заставляла забыть о бледности кожи и странных глазах, обнажая суть: жизнь, силу, соблазн, закованный в золото.

Только тогда я позволила себе взглянуть на гостей.

Ухмылки исчезли, насмешливые складки у ртов разгладились. Их замороженные глаза следили не за моим лицом, а за движениями бёдер — за ловкими, бесконечно грациозными волнами, будто жившими собственной загадочной жизнью. В их взглядах читалось не отвращение, а потрясение, голод.

Я улыбнулась — медленно, с чувством. Словно сам дьявол, принимающий дань. Это было не радость, а удовлетворение.

Разворот на каблуке. Я наклонилась вперёд, пока длинные шёлковые волосы не коснулись ступни, образуя с телом идеальную дугу. Замерла. Пауза, полная напряжённого ожидания. Затем — медленный, невероятно плавный подъём, позвонок за позвонком, вытягиваясь в струну, пока я вновь не выпрямилась во весь рост — гордая и недосыгаемая.

Позади кто-то громко, сдавленно выдохнул.

Когда я обернулась, мой взгляд столкнулся с пристальным изучением мужчины с абсолютно седыми, зачёсанными назад волосами. Он слегка прищурился — не от презрения, а чтобы лучше видеть, вбирая каждый мой жест. Сколько ему лет? Слишком много, чтобы стоять так прямо, без трости, но в его осанке чувствовалась власть.

Я сделала очередное движение — волну руками, когда пальцы медленно смыкались один за другим, пока не коснулись моих же губ в немом поцелуе. Старик ухмыльнулся так, словно весь этот спектакль был разыгран исключительно для него. Отвращение, острое и тошнотворное, подкатило к горлу, едва не сорвав ритм. Я насильно отвела взгляд, устремив его вглубь зала, туда, где в тени массивных арок стояли уединённые столики.

И там мои глаза встретились с другим взглядом. Мужчина со светлыми волосами, отливавшими в свете факелов тёп-

лым золотом, облокотился о колонну. Он медленно потягивал вино, и его поза напоминала сытого льва после удачной охоты — расслабленного, но смертельно опасного. Я невольно усмехнулась про себя.

Он был красив. Но красота его была ледяной. Притягательной и пугающей одновременно — словно самый редкий и совершенный кристалл, прикосновение к которому оставляет на коже кровавые язвы. Ядовитый блондин, — мелькнуло у меня в голове.

Я с усилием отвела взгляд, заставив себя снова стать рабыней. Это было неуместно. Я не должна была так открыто проявлять интерес. Моя роль — быть загадкой, а не охотницей.

Постепенно гости начали расходиться по столикам, насытившись первым актом зрелища. В центре зала, на невысокий круглый помост, поднялась Лираэль. Шум барабанов стих, уступив место тихой мелодии.

Иллари замерли в изящных, заученных позах, сливаясь с неподвижными статуями вокруг. Я тоже застыла, прикоснувшись тыльной стороной ладони к своей щеке и слегка склонив голову, будто прислушиваясь к чему-то далёкому.

— Я рада приветствовать вас всех в «Багровом Полумесяце»! — голос Лираэль, чистый и звонкий, нёсся по залу, заставляя смолкнуть последние шёпоты. — Надеюсь, вы уже успели оценить наших очаровательных иллари. Они — живое воплощение грации, не правда ли?

Она сделала паузу, дав прокатиться лёгкому, одобрительному гулу.

— Для тех, кто желает более... интимной компании, каждая из них может стать вашей личной спутницей на вечер. За отдельную плату, разумеется. Они будут подливать вам лучшее вино из наших погребов, шептать вам на ухо истории, пока на импровизированной арене будет литься кровь во имя вашего удовольствия.

Она широким жестом указала на свободное пространство перед помостом, где уже слуги расчищали место.

— Для тех, кто впервые в нашем доме, напоминаю правила главного развлечения — ставок на бой. Выберите понравившегося вам воина, испытайте удачу, поддержите своего фаворита. Пусть азарт греет вашу кровь лучше любого вина! И да благословят вас боги в этот прекрасный, жаркий вечер!

Послышались сдержанные, но одобрительные аплодисменты. Лираэль медленно сошла с подиума, алое платье струилось за ней по ступеням, как лужа свежей крови. Она бросила в зал последнюю загадочную улыбку и растворилась в тени своего супруга. Господин Диран стоял неподвижно, его единственный глаз, скрытый повязкой, казалось, сканировал толпу безо всякого выражения. Он был пугающим.

Тем временем слуги закончили подготовку небольшой арены во втором зале — круглой площадки, усыпанной песком и обнесённой низкими каменными блоками. И ровно оттуда, откуда выходили мы, теперь начали выходить воины.

Они шли шеренгой, с опущенными головами, босые, их тела блестели от масла. На них не было ничего, кроме коротких набедренных повязок из грубой ткани. Женщины в зале замерли, их жадные взгляды скользили по мускулатуре, по шрамам, по выражению лиц. Ничем не лучше мужчин, я была уверена: мысленно они уже сорвали с них эти жалкие лоскуты, представляя, что скрывается под ними. Атмосфера накалилась, наполнившись новым, грубым электричеством ожидания.

Мужчины спустились на арену и выстроились в плотную шеренгу. По резкой команде господина Дирана их лица изменились — стали жёсткими, отрешенными. Словно в них отсутствовала хоть капля человечности.

Я медленно, по очереди рассматривала каждого, пока мой взгляд не зацепился за знакомую фигуру. Каэль. Запомни-ла-таки имя. Он стоял чуть в стороне; его осанка выдавала не просто воина, а хищника, знающего себе цену.

По следующей команде все воины как один ударили себя кулаком в грудь — глухой, мощный звук, от которого вздрогнул воздух. Это был жест силы, преданности, готовности. Как бы я ни отнекивалась, мне было любопытно. И внезапно, помимо воли, во мне вспыхнуло дикое, почти детское желание увидеть всё это вблизи: почувствовать напряжение, услышать лязг стали, вдохнуть запах железа.

Но я была прикована к своему месту — разве что кто-то выкупит меня для «обслуживания»...

И тут мой взгляд снова, будто по магниту, потянулся к тому самому блондину. О, боги. Он всё так же смотрел на меня. Не на арену, не на воинов, даже не на Лираэль. Только на меня. Его внимание было полным, неотрывным, и в нём не было той похотливой жадности, что я видела у других. Было... изучение. Холодный, аналитический интерес. Это было странно. И заманчиво.

Он медленно, с той же лвиной небрежностью, поставил бокал на стол рядом с каким-то юношей, тот был весь поглощён зрелищем на песке. И затем блондин направился прямо к Силме. Сердце ёкнуло. Он хочет выкупить меня для обслуживания? Быть не может... Вот это удача. Давай, — мысленно подтолкнула я его. Я верю в нашу телепатическую связь!

Он что-то говорил Силме, негромко, вежливо, но с той непрерываемой интонацией, которой не спорят. Я не могла сдержать лёгкую улыбку, которая тронула уголки моих губ. словно давая своё молчаливое согласие на этот немой договор.

Но Силма вдруг энергично замотала головой. Её лицо покраснело — не от стыда, а от явного раздражения. Она что-то резко отвечала, жестикулируя в мою сторону. Чёртова злопамятная женщина! Она нарочно! Она лишала меня шанса выбраться из этого позорного стояния, шанса увидеть бои вблизи...

Они долго о чём-то спорили, и я так увлеклась, что пропустила, как толпа начала перемещаться во второй зал — ме-

нее парадный, с грубыми каменными стенами, простыми деревянными столами и огромной деревянной доской с непонятными мне надписями в глубине.

И вот тот самый парень — наконец решил спор, протянув Силме горсть монет. Она сжала их в кулаке так, что, кажется, монеты впились ей в ладонь, кивнула в сторону столика у самой арены во втором зале и, сцепив зубы, направилась ко мне.

Её щёки пылали, а глаза метали молнии. Что я сделала не так? Я просто стояла! Следовала её же инструкциям!

— Ты, бяжанка, — прошипела она, оказавшись вплотную. — Слушай и запоминай, я повторять не буду. Тебя выкупил на «обслуживание» один господин. Влиятельный. Очень. Не вздумай опозорить это место. Будь мила, говори мягко, подливай ему вино, улыбайся, если он скажет что-то смешное. Притворись, что он остроумен, даже если это не так. Я, конечно, предлагала ему Демину, но он почему-то выбрал тебя. Не мне судить чужие... извращённые вкусы, — она язвительно скривила губы. — Накинь вот это. Так принято.

Она сунула мне в руки лёгкую, полупрозрачную накидку с вытканными золотыми узорами. Она скрывала мало, но создавала иллюзию прикрытости.

12. Златовласый

Я накинула платье и плавно двинулась к столику, где уже ожидал меня господин Лев — так я про себя в шутку его называла. Не худший вариант: молод, хорош собой.

Он сидел спиной ко мне, лицом к арене. На нём — красная накидка с вышитым золотистым драконом: видимо, герб его дома. Я в этих знаках мало что понимала. Плечи у него были широкие, фигура — крепкая: то ли от природы такой, то ли тренируется. Сразу и не поймешь.

На арене тем временем разворачивалось нечто вроде ритуала: двое воинов медленно описывали круги ногами, едва слышно шептали какие-то молитвы. Зрелище захватило мгновенно — я на миг забыла о своём господине на этот вечер.

Вокруг располагалось не меньше двух десятков столиков. Один стоял у огромной доски, где были выведены цифры и имена. За ним хлопотал мужчина в очках и странной повязке: принимал деньги, что-то записывал пером на бумаге.

— Мне казалось, я купил тебя, чтобы ты проявляла особое внимание ко мне, — раздался грубоватый голос, и реальность тут же вернула меня на место.

Я опустила взгляд и столкнулась с его глазами. Серыми. Холодными, пронизательными. Оу...

— Простите, господин. Хотите вина? — поспешно схва-

тила я кувшин, и тут что-то пошло не так. Возможно, дрожь в руках, возможно, неловкий шаг. Я стояла слишком близко, и когда наклонила сосуд, струя красного вина выплеснулась мимо бокала, прямо на дорогие брюки.

Он сжал челюсти. Гнева в его глазах не было — скорее, раздражённое разочарование. Все его мечты о грациозной диве, видимо, развеялись в один миг.

— Простите, я не хотела. Я всё исправлю, — залепетала я и, не думая, опустилась на колени, прижимая к мокрому пятну столовую салфетку. И только когда ткань коснулась его бедра, вплотную к паху, до меня дошло. Я замерла. Щёки вспыхнули огнём.

— Простите, — я отдернула руку, как от раскалённого железа. Но было поздно. Под тонкой тканью его брюк что-то явственно изменилось, напряглось, выдав иной, более интимный интерес. О, боги... Кажется, я только что совершила ошибку, которую не исправить извинениями.

— Вас здесь учат только извиняться и... провоцировать? — он словно нарочно издевался надо мной, и это явно доставляло ему удовольствие.

Я вспыхнула — не как факел, а скорее как лист бумаги: быстро, ярко — и тут же остыла. Я натянула на лицо сладкую, почти расслабленную улыбку.

— Я не хотела портить ваши брюки, давайте просто... забудем об этом. Я готова загладить свою вину, — проговорила я самым нежным, певучим голосом, какой только могла

изобразить.

Он лишь тихо хмыкнул. Впечатление было безвозвратно испорчено, и он явно насмеялся надо мной.

— Боюсь, так просто не забыть, — он откинулся на спинку стула, и его глаза стали прищурены, игривыми. — Твои тонкие руки на моём члене...

Мне захотелось скорчить гримасу, передразнить его наглость. Но вместо этого я лишь плавно наклонила кувшин, наполняя его бокал до краёв, и выпрямилась, принимая отстранённую, почти ледяную позу.

— Как вам будет угодно, господин, — ответила я ровным, лишённым эмоций голосом. Если он ждал продолжения игры, испуганных взглядов или новых извинений — он не дождётся. Я совершила ошибку, признала её. Теперь он мог либо наслаждаться своей мнимой победой, либо... попросить о чём-то другом. Но унижаться дальше я не собиралась.

— Хотя... мне нравится твоё предложение насчёт заглаживания вины, — он усмехнулся, и его ладонь, широкая и сильная, обхватила моё запястье. Его пальцы могли бы переломить мою руку, даже не напрягаясь.

Он потянул мою руку на себя, и я, потеряв равновесие, опустилась к нему на колени. Твёрдое, отчётливое напряжение подо мной заставило кровь прилить к лицу. Я вся застыла, скованная неловкостью и стыдом. Быстро оглянувшись: все вокруг были поглощены зрелищем на арене — первый бой начался. Другие немногочисленные иллари стояли у столи-

ков своих господ, внимательные, но соблюдающие дистанцию. Никто не сидел у кого-то на коленях. Я чувствовала себя выставленной напоказ, ещё более обнажённой, чем во время танца.

— Тебе удобно? — спросил он, его голос был низким, звучал прямо у моего уха. Я промолчала, стараясь дышать ровно. — Можешь поерзать, найти более... комфортное положение.

— Разве иллари должны быть такими молчаливыми? — снова напирал он.

«Вот же пристал!» — мысленно вспыхнула я, но внешне лишь чуть приподняла подбородок.

— Мне неловко, — ответила ровно. Пусть не думает, что мне это нравится.

— Не знал, что шлюхи умеют смущаться, — бросил он с холодной усмешкой.

Его слова обожгли. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Я знала, кто я. Знала, что мне предстоит в будущем. Но слышать это вслух... было невыносимо.

Внутри всё сжалось, но я заставила себя сохранить лицо. Ни слова. Ни вздоха. Ни намёка на боль. Я лишь опустила глаза, решив проглотить это, как глотала всё остальное.

Да, внутри я кипела — снова. Хотелось высказать... но что? «Я не знала мужской ласки ранее, ко мне никто не прикасался». Разве это имеет значение, если любой, выложив кучу монет, исправит это, совершенно не спрашивая моего

согласия?

От злости в носу защипало. Я шумно втянула воздух — с пронзительным хлипом, который разорвал тишину между нами.

Он замер. Даже дышать перестал.

— Тебя здесь съедят с потрохами, если будешь показывать свои слабости. Прекрати это, — резко бросил он, — Сейчас же.

Я молчала. «К чёрту, пусть говорит что хочет. Я не должна реагировать». Но обида жгла изнутри, разъедала, как кислота.

Его широкая ладонь легла мне на бедро — не хватаяще, а почти... успокаивающе. Он провёл ею сверху вниз, один раз, медленно, и тепло от этого прикосновения разлилось по коже, странным образом смешиваясь с холодом внутри.

— Как ты попала сюда? Я жажду историй, милая, — прошептал он прямо в ухо, но я всё ещё была скована от его грубых слов.

Я уставилась вперёд, на арену, где два воина обменивались ударами — лязг стали, шарканье ног по песку, тяжёлое дыхание. Их тела блестели от пота.

— Не думаю, что вам будет интересно это слышать. Моя история мрачная и грустная, а вы здесь явно не за этим, — ответила я, всё ещё глядя вдаль. Я не могла заставить себя встретиться с ним глазами. — Наслаждайтесь вечером.

— Мне решать, что интересно, а что нет, — его голос стал жёстче, явно терял терпение. — И, кажется, я задал тебе конкретный вопрос.

Я выпрямилась, чувствуя твёрдую поверхность его груди за спиной, и сжала ладони в кулаки.

— Да, господин, — прошипела я. — Мою деревню сожгли. Родителей убили. Меня и мою сестру продали торговцу в этом городе. Меня выкупила госпожа Лираэль и сделала иллари. Это не худшее место, где я могла оказаться. Я ей благодарна. — Я выпалила это сухо, без эмоций, отчеканивая факты.

— Да, быть девчонкой для развлечений богатых стариков — просто мечта, а не участь, — бросил он с ледяной, язвительной усмешкой.

Я резко обернулась, наконец столкнувшись с его насмешливым взглядом в упор.

— Вы думаете, у меня был выбор?! — зло, сдавленно выдохнула я ему прямо в лицо, и в этот миг вся моя наигранная покорность испарилась, обнажив жгучую ярость.

— У слабых никогда его нет, — он выдохнул эти слова почти в мои губы, и запах вина и мяты достиг моего носа. — Они лишь принимают удары судьбы. Так ведь проще? Это не твой выбор. За тебя так решили.

Остро захотелось вылить ему на эту золотистую, самодовольную голову весь кувшин вина, чтобы смыть это выражение с лица. Он нарочно выводил меня? Или это его врождён-

ный дар — задевать самое больное?

— Легко рассуждать о слабости других, когда самому выпала счастливая карта, — слова вырвались у меня прежде, чем я успела прикусить язык. — И неужели в вашем положении настолько скучная жизнь, что ради живых эмоций приходится ходить по таким злачным местам?

Я ждала. Ждала вспышки гнева, холодного приказа, унижительного наказания. Ждала, что меня вышвырнут отсюда, отправят в те самые «низы», сотрут в грязь.

Но он... рассмеялся. Громко, искренне, заливисто, как будто я только что рассказала ему самую блистательную шутку в мире.

— Я в тебе не ошибся, — сказал он, когда смех поутих, и в его серых глазах вспыхнул живой, почти одобрительный огонёк. — Мне не нужна покорная рабыня, которая только и будет, что заглядывать в мой рот. И да... ты права. Кажется, мне действительно чертовски скучно, раз я сижу здесь и развлекаюсь, растравливая дикую пташку в золотой клетке.

13. Опасная игра

Он подвинул ко мне второй бокал и налил в него тёмно-рубинового вина до краёв.

— Я хочу, чтобы ты выпила со мной, — протянул он бокал. — Страшно любопытно, что ещё способен выдать этот язвительный ротик после пары глотков.

Я никогда не пила алкоголь. Знала, что от него кружится голова и мутит — так говорила Виэла, женщина из моей деревни, про своего вечно пьяного мужа. Я неуверенно взяла тяжёлый бокал из тёмного металла, украшенный резьбой и мелкими камнями, и сделала маленький осторожный глоток.

— Нет-нет, не стесняйся, угощайся, — он настойчиво нажал на дно бокала, не давая мне его опустить. Я сделала ещё один глоток, уже больший. Кисло-терпкая жидкость обожгла горло, и меня передёрнуло. Отвратительно. Я чуть не скривилась, едва сдержав желание выплюнуть эту гадость и протереть язык. Но вино уже опустилось в желудок, разливаясь там тёплой, тяжёлой волной.

— А теперь, — сказал он, отпив из своего бокала и поставив его со стуком, — я хочу немного развлечься. Посмотри на эту жалкую арену и скажи, кто из воинов одержит победу в этом поединке. Мы заключим пари. За каждую твою угаданную победу я плачу. Серебром. А за каждый проигрыш... ты отвечаешь на мой вопрос. Любой. Честно. Согласна?

Я обернулась и встретила с его взглядом. Он опустил глаза на мои губы, где ещё блестели капельки вина. Я машинально провела по ним кончиком языка, и он тяжело сглотнул, прежде чем отвести взгляд.

— В чём выгода для вас, господин? — спросила я, и мой голос прозвучал чуть тягучее, чуть медленнее, чем обычно. Неужели вино уже начало своё дело?

— Скажем так... ты слишком напряжена, — он откинулся на спинку стула, и уголок его рта дрогнул. — Такая игра задаст темп вечеру. А говорить правду... думаю, для тебя это не самая высокая цена, верно?

В его тоне была та же насмешка, но теперь в ней чувствовался вызов, почти азарт.

— Я согласна, — ответила я и, прежде чем взглянуть на арену, снова поднесла бокал к губам и сделала глоток, больший прежнего. Тёплая, расслабляющая волна покатилась по жилам. И я уловила лёгкую, почти неслышную вибрацию — он тихо усмехнулся. Этот нахал получал от этого явное удовольствие.

На арене сошлась новая пара. Оба — груды перекачанных мышц, шрамов и решимости. На вид — равные. Но один двигался чуть легче, его шаги были точнее, он уворачивался от ударов с кошачьей пластикой. Другой же держал тяжёлый щит слишком низко, открывая верхнюю часть тела. Уверенность? Или глупая, роковая оплошность?

— Тот, что слева, — сказала я, не раздумывая долго. —

Он одержит победу. Ловкость и хитрость сильнее грубой силы.

— Хороший выбор, — одобрительно протянул блондин с лёгким удовлетворением. — Посмотрим, оправдает ли твоя змеиная проницательность ожидания.

Я тихо хмыкнула про себя. «Змеиная проницательность»... Прозвище, кажется, уже начинает ко мне прилипать.

На арене всё решилось за несколько взрывных секунд. Воин слева, на которого я поставила, не стал ломиться в лоб. Он сделал обманный выпад, вынудив противника резко присесть за щитом, а затем — стремительный кувырок в сторону. Песок взметнулся облаком. Он оказался у него за спиной в тот миг, когда тот, отягощённый инерцией, только начал разворачиваться.

Щит был бесполезен. Острое лезвие меча блеснуло в свете факелов. Не смертельный удар — но достаточно сильный. Оно скользнуло по ребрам, рассекая кожу и мышцы, оставив на боку противника алую, брызнувшую полосу. Тот захрипел от боли и неожиданности, его ноги подкосились, и он грохнулся на песок, подняв новое облако пыли. Победитель был над ним в мгновение ока, поставив остриё своего меча под угол челюсти. Соперник замер, затем швырнул свой меч в сторону и ударил ладонью по песку — знак сдачи.

Толпа взревела — одни в восторге, другие в ярости от проигранных ставок.

— Неплохо, — произнёс блондин, и в его голосе слышалось искреннее одобрение. — Весьма неплохо для первого раза. Ты одержала победу.

Серебряная монета упала на дерево стола передо мной с глухим стуком. Большие деньги за одну удачную догадку. Но я не могла просто взять их — рабыни не владеют ничем. Любая монета принадлежала госпоже.

— Пожалуйста... бросьте её в мой бокал, — тихо попросила я, указывая на свой почти полный бокал вина.

Если моя просьба его удивила, он не подал вида. Ловким движением пальцев он поднял монету и опустил её в тёмную жидкость. Она медленно пошла ко дну с мягким плюхом.

Следующую ставку я проиграла. Выбрала опытного, видавшего виды воина против юнца. Но молодость и ярость оказались сильнее опыта. Кудрявый парень, задыхаясь, поднял окровавленный меч под рёв толпы.

— Что ж, теперь моя очередь, — голос блондина прозвучал прямо у моего уха. Он положил руки на стол по обе стороны от меня, и я оказалась в ловушке между его рук. — Мой вопрос будет прост. Твоё самое сокровенное желание. Назови его.

Стоит ли говорить правду? Искренность могла навредить мне. Но что-то подсказывало, что ложь он почует мгновенно.

— Я хочу найти свою сестру, — выдохнула я, удерживая взгляд на его руках.

— Она пропала? — спросил он тут же с интересом.

Я обернулась, чтобы посмотреть на него, и в движении случайно, мягко задела его руку грудью.

— Один проигрыш — один ответ, — парировала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже.

Он улыбнулся — не насмешливо, а с каким-то новым, оценивающим интересом.

— Справедливо. Я уважаю правила.

Я даже слегка удивилась, насколько легко он отступил и согласился. Обернувшись, я мельком заметила Айви и Арию через проход. Ария сидела на коленях у уже немолодого господина с влажным взглядом. Она что-то слащаво шептала ему прямо в ухо, а кормил её виноградом с пальцев. Как же это унижительно... Айви стояла чуть поодаль, подавая на стол блюда, но её взгляд не был прикован к службе. Он блуждал по арене, цепляясь за кого-то конкретного среди воинов. Кого — разглядеть было сложно.

— Что-то интересное увидела? У тебя уже есть личный фаворит? — его голос, грубый и насмешливый, вернул меня в настоящее, к теплу его тела и давящей реальности.

— Нет, — ответила я не глядя в его лицо. — Я здесь совсем недавно. Ещё не успела присмотреться к кому-то... конкретному.

Говорила я честно, ну, может, за исключением одного война, чья опасная грация невольно притягивала внимание даже сквозь толпу и шум.

— Если говоришь правду, почему отворачиваешь взгляд?

— его рука мягко обхватила мой подбородок и повернула моё лицо к себе. Он был опасно близко. Но вино сделало своё дело — где-то внутри расслабилась пружина страха и стыда. Я уже не пыталась отстраниться.

— Иллари непозволительно вот так открыто смотреть на господина, — выдохнула я, переводя разговор.

— Столь юна, но не обделена умом, — усмехнулся он и отпустил моё лицо. — Время выбора. На кого ставишь в этот раз?

Я снова отпила вина. Если я продолжу выигрывать... Неужели он и вправду будет платить по серебряной монете за каждую победу? На одну такую монету моя семья раньше могла жить несколько лунных циклов, не зная нужды. Он настолько богат? Если я соберу достаточно денег, чтобы купить Дивьеру, то всё равно не смогу сделать это сама. Рабыня не вправе владеть деньгами или покидать стены — не говоря уже о том, чтобы торговаться с почтенной госпожой.

— Боги обделили меня привлекательной внешностью, хоть в чём-то они оказались благосклонны, — хмыкнула я в ответ и уставилась на новый поединок.

На арену вышли двое. Один — массивный, с горящими, почти безумными глазами. Он не просто нападал — он рубил, как дровосек, пытаясь не просто победить, а размазать противника по песку. Второй, более стройный и зажатый, отчаянно парировал, отступал, и на его лице читался чистый ужас.

— Тот, что справа, — сказала я. — Он кажется... серьёзно настроен на победу.

— А как же твоя мудрость насчёт ловкости и хитрости? — спросил он, и в его глазах мелькнул интерес.

— Не в этот раз, — покачала я головой, следя за яростными атаками. — Посмотрите. Он не просто силён. Он не чувствует боли. Он не думает о поражении. Он хочет уничтожить. А страх перед смертью... он парализует. Безумие сильнее.

И когда вторая монета, яркая, отполированная до зеркального блеска, опустилась на дно моего бокала с тихим плюхом, я не смогла сдержать торжествующую улыбку. Две серебряные. Целых две монеты! Мой разум отказывался верить, что в этом мире я могу получить что-то ценное так просто, почти игрой.

Но расслабление было недолгим. Его рука, до этого мирно лежавшая на моём бедре, вдруг сдвинулась — нежно чуть выше, скользя по внутренней стороне бедра, где кожа была особенно тонкой и чувствительной. Я непроизвольно сжала ноги, пытаясь заблокировать это движение.

— Чувствуешь моё напряжение? — его голос прозвучал у меня прямо в волосах, низкий и горячий. — Не стоит заблуждаться насчёт своей привлекательности. Боги были к тебе... несправедливы во многом, но не в этом.

Мои щёки вспыхнули так, что, казалось, золотая краска на них поплывётся. Я чувствовала каждую точку его при-

косновения, каждый нервный всплеск под кожей. Мне было неудобно, стыдно, и в то же время какая-то часть меня, отравленная вином и его словами, отзывалась на эту опасную близость. Я не хотела об этом думать. Я хотела думать только о монетах на дне бокала и о сестре.

14. Цена чужой жизни

— Я благодарю вас, господин, — остановив его руку прямо перед самым чувствительным местом, где ещё никто и никогда не смел меня касаться, произнесла я. — Вы оплатили обслуживание. Боюсь, всё остальное — за отдельную плату. И я огорчу вас, но моя госпожа не продаёт моё тело.

Слова сорвались с губ быстро, почти пугливо. Я сама едва верила тому, что говорила. Скорее всего, ему можно меня касаться в таком плане — правила этого места не оставляли сомнений. Но другого выхода не было. Я лгала — и чувствовала, как краснеют щёки.

— Твоя госпожа так тобой дорожит или хочет продать подороже? — он убрал руку, положил её на колено и пристально посмотрел на меня.

Что ответить? Мозг лихорадочно искал логичный ответ — такой, чтобы и его устроил, и приструнил нападки на моё тело. Хотелось просто подняться и уйти, но вторая его рука по-прежнему удерживала меня за талию.

— Я думаю, она не хочет раньше времени растрачивать мой потенциал, — нейтрально ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он отпустил моё колено, приподнял моё лицо за подбородок. Почему ему так важно, чтобы я говорила, глядя в его глаза? Они пугали — в них таилось что-то по-настоящему

опасное. Кто он?

— Не заблуждайся, — произнёс он медленно, отчётливо. — Я бы никогда не стал покупать рабыню для утоления своих потребностей. Девушек, что хотят оказаться в моей постели, предостаточно.

Мне захотелось укусить его за палец. Вроде бы ничего такого он не сказал — но при этом умудрился оскорбить одним лишь тоном.

Я сглотнула, собрала остатки выдержки и спросила:

— Значит, вы здесь не ради... удовольствий? Тогда что привело вас в «Багровый Полумесяц», господин?

Его губы дрогнули в едва заметной, сухой усмешке.

— Меня затащил в эту яму один... знакомый. Обещал зрелища. Пока же всё это выглядит довольно жалко, — бросил он и наконец отпустил моё лицо, потянувшись за бокалом.

— Как ваше имя? — рискнула я спросить.

Он улыбнулся, но не тепло, а скорее с лёгким раздражением. Ему не нравилось, что вопросы задаю я.

— Зачем тебе это знать?

Чтобы не называть тебя в голове «нахалом» или «ядовитым блондином», — пронеслось у меня в мыслях.

— Простое любопытство, господин. Прошу прощения, если перешла черту, — сказала я, хотя какая уж тут черта после того, как я почти накричала на него.

— Аэрион Морвейн, — ответил он нейтрально. — Моё

имя говорит тебе о чём-нибудь?

Я покрутила в голове, пытаюсь выудить из памяти хоть что-то знакомое. Но нет. Ни намёка. Оскорбится ли он, если скажу правду?

— Судя по твоему задумчивому лицу, — он прервал мои размышления, и в его глазах мелькнуло что-то между досадой и... облегчением? — ты не знаешь, кто я. Пусть так и будет.

— А теперь позвольте представить вам финальный бой! — голос господина Динара прокатился под сводами зала, заглушая шум толпы. — Победитель этого дома, непобеждённый Каэль! И его соперник, не менее опасный воин, заслуживший право бросить ему вызов — Руфиан!

На арену вышли двое. Но они не выглядели как соперники, готовые растерзать друг друга.

Они что... только что обменялись едва заметными улыбками?

Каэль с высоко поднятой головой поднял оба своих клинка, и публика взорвалась одобрительным гулом. Монеты звенели о деревянные столы, ставки росли как на дрожжах, и почти в каждом шёпоте звучало его имя.

Второй, светловолосый, был хорош собой — слишком хорош для человека, чьё ремесло — убивать. Но в его осанке чувствовалась такая же сталь, как и в заточенной кромке меча. Он кивнул Каэлю и поднял клинок в ответном приветствии.

Диран взмахнул рукой. Бой начался.

Мечи встретились с резким, звенящим лязгом. Каэль двигался как текучая вода — одно парирование, разворот, ещё один удар. Это было не просто сражение. Это был смертельный танец.

— Кого выбираешь? — вопрос у самого уха заставил меня вздрогнуть.

Я смотрела на Каэля. Он уходил от атак с той лёгкостью, которую не купишь ни за какие монеты. Это было красиво. Завораживающе.

— Каэля. Это же логично, — я пожала плечами, не отрывая взгляда от арены. — Он победитель этого дома.

— Мне стало скучно, — Аэрион коснулся моей руки, и в его голосе появилась та опасная, бархатная нотка. — Давай изменим правила.

— Ваше право, господин, — рассеянно ответила я.

Каэль нырнул под руку светловолосого, лезвие меча скользнуло в опасной близости от его горла. Я невольно ахнула.

— Исход боя слишком предсказуем, — продолжил Аэрион, не обращая внимания на мою реакцию. — Давай сделаем интереснее. Ставка будет не на победителя, а на то, убьёт ли твой фаворит своего соперника. Ты видишь? Они двигаются так, будто репетировали этот бой. Исключают смертельные удары, берегут друг друга. Всё только для зрелища, для этих восхищённых идиотов. Но вопрос в другом: хватит ли у них

мастерства, чтобы продолжать игру, когда один из них окажется на песке?

Я задумалась. Они действительно сражались не в полную силу — это было заметно даже мне.

А по лицу господина Динара, мрачному и напряжённому, можно было понять: он тоже это видит, и ему это не нравится.

— Если они друзья... думаю, нет, — я усмехнулась и сделала ещё один глоток вина. — Это было бы слишком жестоко. Какова ваша ставка, господин?

— Я ставлю золотую монету на то, что он убьёт друга, — сказал Аэрион спокойно, будто речь шла о погоде. — От тебя же прошу сухую мелочь. Твой поцелуй.

Я ахнула. Золотая монета? Он безумец.

— Не слишком ли завышенная цена за простую игру? — выдохнула я, чувствуя, как вино и адреналин смешиваются в крови.

Хотя я уверена, что выиграю. Не знаю почему, но мне кажется... Каэль не станет убивать друга. Если он, конечно, друг. Он слишком... благороден для раба.

— Я сегодня исключительно щедр, — усмехнулся Аэрион, и в его голосе плеснулось что-то тёмное, предвкушающее.

— Ваше право, господин, — я пожала плечами с притворной покорностью. — Да и как я могу отказать?

Усмешка вышла дерзкой. Я уже мысленно ощущала в ла-

дони тяжесть золотой монеты.

Я заметила, как он улыбнулся — криво, зловеще, — и отпил из бокала. В этом жесте было что-то предупреждающее, но я не придавала значения: всё моё внимание снова приковала арена.

Каэль обрушивал удар за ударом на щит Руфиана, а тот лишь уходил в глухую оборону. Затем — резкий кувырок в сторону, взметнувший песок, и нанёс резкий удар по мечу противника. Лезвия звякнули, высекая искры.

Они смотрели друг на друга — не как враги, а как мальчишки, соревнующиеся ради забавы. В их глазах читалась едва заметная усмешка, почти заговорщицкая. Мне это нравилось. Это было куда прекраснее безумия и жажды крови — танец силы, мастерства, взаимного уважения.

Но зрелище от этого не становилось менее захватывающим.

Внезапно Руфиан оступился — самую малость, на долю секунды. Каэль этим воспользовался. Удар пришёлся в бедро — лишь касание, тонкая красная нить на коже. Но кровь брызнула, и публика взвыла от восторга.

Руфиан вскочил в то же мгновение. Ни секунды слабости. И снова — сталь, сталь, сталь. Удары сыпались градом, чёткие, выверенные. Они перемещались по арене, выбивая искры, высекая ритм из песка и металла.

— Это... завораживает, — прошептала я, не отрывая взгляда от Каэля.

Аэрион лишь хмыкнул в ответ, но я почти не заметила этого — всё моё существо было поглощено зрелищем.

И тогда Каэль взорвался. Сокрушительный удар в щит — и Руфиан пошатнулся. Попытался достать противника в бок, но Каэль был быстрее и сильнее. Одним движением, полным убийственной грации, он выбил меч из рук светловолосого воина. Клинок описал сверкающую дугу и упал на песок в трёх шагах от хозяина.

Руфиан остался безоружным.

Тяжёлый удар плашмя — не лезвием, всей ширию стали — обрушился на плечо Руфиана. Глухой, страшный звук мятой плоти. Светловолосый воин рухнул на колени, затем завалился на бок, взметнув облако песка. Лицо его исказила гримаса боли.

Каэль навис над ним. Остриё меча упёрлось в яремную впадину. Я замерла.

Тишина.

Руфиан смотрел на него снизу вверх. Не с ненавистью. С усталой, понимающей усмешкой человека, который проиграл.

И медленно, без спешки, постучал ладонью по песку.

Внутри меня что-то подпрыгнуло, рванулось наружу, захотело выплеснуться в победном крике. Но я лишь сжала кулаки до побелевших костяшек, вдавив этот порыв обратно в грудь.

— Я выиграла, — улыбнулась я, стараясь, чтобы голос

звучал ровно. — Он сдался. Никто не умер.

Но Аэрион не смотрел на меня. Он смотрел на Дирана.

— Победитель — Каэль! — провозгласил хозяин «Багрового Полумесяца».

Публика заплодировала — вяло, с привкусом обманутого ожидания. Им нужна была кровь. Им нужна была смерть. Им дали благородство, которое никто не просил.

— А я думал, — голос Аэриона разрезал шум, — что Ночь Пылающих Маков славится свежей кровью, а не показательными выступлениями для отроковиц. Впрочем, если дом «Багровый Полумесяц» решил сменить кровавую славу на репутацию увеселительного сада для нежных барышень... кто я такой, чтобы спорить с модой?

Он поднял бокал, салютуя Дирану. Улыбка его была безупречно вежливой.

— Примите мои поздравления. Ваш «непобеждённый» оказался на редкость... человеколюбив.

Диран побелел. А я вдруг поняла, что золотая монета больше не звенит у меня в голове. Она упала куда-то в темноту, и звон этот был совсем не победным.

15. Ненависть

Я обернулась на Аэриона — неужели он с самого начала это задумал? Но для чего? Внутри зашевелилось тяжёлое чувство вины: как я вообще решилась играть в эту жестокую игру?

— Зачем вы это делаете? — выдохнула я, и в моём голосе звенел шок.

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением, будто я спросила, зачем дышать.

— Пытаюсь выиграть, что же ещё, — тепло улыбнулся он, будто только что не подписал рабу смертный приговор. — Хочу получить свой приз.

Внезапно зал взорвался единым страшным кличем:

— УБЕЙ! УБЕЙ! УБЕЙ!

Мне хотелось зажать уши руками, отгородиться от этого звериного рева, но я лишь сжала губы в тонкую линию, сдерживая дрожь.

Каэль замер с мечом в руке. Его лицо исказила боль — не физическая, а душевная. Он не хотел убивать Руфиана. Казалось, он готов был убить себя, только не друга. Смотреть на это было невыносимо — я закусил губу до боли, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Остановите это, — я резко повернулась к Аэриону, вцепившись взглядом в его холодное, прекрасное лицо. — Я

принимая поражение. Вы слышите? Я проиграла. Заберите ваш поцелуй, заберите всё, только остановите это.

Он не дрогнул.

— Я не могу.

Пауза. Потом он добавил, глядя на арену:

— Знаешь, что мне однажды сказал отец? — его голос стал тише. — «Привязанность — это слабость. Избавься от неё — и больше ничто не сможет тебя ранить». Каэль сам, по собственной глупости, показал свою слабость. Это его вина.

— Нет, — прошипела я, чувствуя, как гнев сжигает остатки страха. — Если бы вы промолчали, ничего бы не случилось. Вы спровоцировали это. Вы!

Другие иллари — те, кого тоже купили для обслуживания, — молча наблюдали. Но по их взглядам было видно: им не всё равно.

Он лишь пожал плечами, не отводя взгляда от арены.

— Я лишь ускорил неизбежное.

Диран подал знак. Его лицо, искажённое яростью, стало багровым.

— Каэль! Убей его! Это приказ твоего господина!

Толпа взревела, требуя крови.

Каэль поднял меч.

И замер.

Он смотрел не на Руфиана. Он смотрел в нашу сторону. На Аэриона. И в этом взгляде было столько ненависти, столько отчаяния, что мне показалось — я слышу, как воздух

между ними плавится.

Руфиан что-то шептал ему, беззвучно, одними губами. Я не слышала слов, но видела их смысл: «Сделай это. Я не держу зла. Сделай.»

Каэль сжал меч. Даже толпа, казалось, затаила дыхание.

И тогда он отбросил клинок.

Сталь с глухим звоном ударилась о песок и замерла у ног Руфиана.

Зал взорвался. Проклятия, свист, смех. Кто-то кричал, что рабы Дирана совсем отбились от рук. Кто-то громко, с наслаждением, предположил, что у хозяина «Багрового Полумесяца» больше нет власти над собственной сворой.

— А он ещё глупее, чем я думал, — тихо хмыкнул Аэрион. В его голосе не было злости. Только... удовлетворение.

Мои глаза заволокло слезами.

— Доэн! — рявкнул Диран, и его единственный глаз налился кровью. — Выполни приказ!

Молодой кудрявый воин, тот самый, что подмигивал мне, замер. Его лицо побелело.

— Наставник Мирен! — голос Дирана летел над залом, как плеть. — Увести этого пса к стене! Я лично прослежу, чтобы он вспомнил, что такое приказ господина!

Я смотрела на Каэля, который не поднял меч на друга. Сколько в нём было человечности — больше, чем во всей этой разряженной толпе, видевшей в происходящем лишь забаву.

«Мы люди, — билось в голове. — Так нельзя. Всё это неправильно».

Доэн занёс меч — и одним ровным, отточенным движением лишил Руфина головы. Та упала на песок рядом с телом, и кровь брызнула в разные стороны — тёплая, алая, живая. Несколько капель долетели даже до меня, оставив тёмные пятна на белом платье.

Толпа взревела — одобрительно, жадно, восторженно. Им понравилось.

Кровь растеклась по песку отвратительным цветком, медленно впитываясь, превращая светлую поверхность в тёмное месиво. Тело Руфиля дёрнулось в последнем спазме и замерло.

— Поздравляю с победой, — раздался над ухом голос Аэриона. Тёплый, довольный, почти ласковый. — Нравится ощущать её вкус? Твой фаворит действительно оказался слишком слаб. Слишком много чести для раба.

Как за такой прекрасной оболочкой мог скрываться настолько жестокий человек? Отвращение затопило меня, вытесняя страх, вытесняя вину. Всё внутри отвергало эту картину, этот смех, эту радость от чужой смерти.

— Вы отвратительны, — выдохнула я одними губами, едва слышно, но он, кажется, всё понял.

Золотая монета упала в мой бокал, звякнув о край, прежде чем скрыться в вине. Но этот звон больше не радовал. Я ощутила вдруг всю тяжесть этих монет — тяжесть крови, кото-

рой они были оплачены.

Наставник Мирен шагнул вперёд, коротким жестом приказав воинам взять Каэля. Тот не сопротивлялся. Шёл с опущенной головой, словно уже принял свою участь.

Я сжала кулаки. Что я наделала? Из-за моей ставки, из-за моего выбора...

Когда Каэля уводили мимо нашего столика, Аэрион вдруг склонился и поцеловал меня в щёку. Медленно. Демонстративно. Его горячие губы грубо коснулись моей кожи — и это прикосновение показалось мне клеймом.

Каэль поднял голову. На миг наши взгляды встретились — и в его глазах я увидела такую глубину ненависти, направленную не на меня, а на него, на Аэриона. Эта ненависть была живой, острой, она ещё могла гореть. В ней была сила.

— Красивое зрелище, не правда ли? — излишне громко произнёс Аэрион. Эти слова явно были предназначены не мне.

Я молчала. Смотрела, как уводят Каэля — гордого, сломленного, но не покорённого. Как волокут тело Руфиана, оставляя на песке тёмные следы. Как слуги торопливо засыпают свежим песком тёмное пятно, будто ничего и не было.

Ничего не было. Просто ещё одна ночь в этом чёртовом доме.

И когда бои закончились, гости поднялись и потянулись обратно в главный зал — пить, болтать, флиртовать, словно только что не требовали крови, словно на их глазах не уми-

рал человек. Они сбивались в кучки, смеялись, обсуждали ставки и наряды. Словно ничего не произошло.

Наверное, именно в этот момент я тоже, как и Каэль, возненавидела их всех.

Мы остались в нижнем зале почти одни. Слуги сновали между столами, убирая посуду, сдвигая мебель обратно к стенам, смывая с грифельной доски имена и цифры ставок. Кто-то из гостей всё ещё ругался с принимающим ставки мужчиной — бой Каэля аннулировали, победу не засчитали, деньги пропали.

Айви с широким подносом приблизилась к нашему столу. Её движения были отработанными, механическими — убрать, протереть, исчезнуть. Когда её рука потянулась к моему бокалу, Аэрион резко перехватил её запястье.

— Ты слепая? — его голос прозвучал холодно, без тени прежней игривости. — Мы ещё не закончили.

Айви замерла, но не опустила взгляда. Она лишь склонила голову в подобии поклона.

— Простите, господин. Но госпожа Лираэль приказала убрать столы. Я всего лишь выполняю приказ, — её голос был сладким, почти мурлыкающим. — Я могу и подождать, конечно. Просто... мне кажется, ваша иллари не совсем справляется со своими обязанностями. Ваш бокал совсем пуст.

Она посмотрела на него с нежной, почти интимной улыбкой и потянулась к кувшину.

— *Моя иллари* прекрасно справляется, — оборвал он, и в его тоне появилась угроза. — А вот ты начинаешь мешать.

Айви моргнула, улыбка сползла с её лица. Она молча склонилась и, не сказав больше ни слова, перешла к другому столу.

Я смотрела ей вслед, и внутри всё оборвалось. Я уверена, она знает. Знает о тех монетах, что лежат на дне бокала.

Теперь мне достанется. От Силмы. От Лираэль. От всех.

Аэрион проследил за моим взглядом и, кажется, понял всё без слов.

— Кажется, у тебя могут быть проблемы, маленькая змея, — произнёс он почти ласково, и в его голосе звучало опасное веселье. — Попроси меня о помощи. Если будешь достаточно убедительна, я, возможно, что-нибудь придумаю.

Я одарила его тёплой, ничего не выражающей улыбкой и слегка сжала колени, чувствуя, как внутри всё дрожит.

— Не понимаю, о чём вы, господин, — ответила я и спокойно, не торопясь, поднесла бокал к губам. Вино полилось в рот, и последний глоток принёс с собой звон металла. Монеты стукнулись о зубы, коснулись языка — холодные, тяжёлые, настоящие.

Я поставила на стол совершенно пустой бокал.

Аэрион усмехнулся. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — или, может быть, на охотничий азарт, когда дичь оказывается хитрее, чем казалась. Он потянулся к кувшину и сам налил себе вина, не сводя с меня взгляда.

— Ты начинаешь мне нравиться всё больше.

16. Клеймо

Ветер играл в моих волосах. Сегодняшняя ночь была дождливой — словно сами боги оплакивали то, что должно было произойти. Мне было больно смотреть на это, но я стояла с прямой спиной, как и все остальные рабы этого дома.

Это представление было только для нас. На отшибе двора, у высокой каменной стены с ржавыми металлическими цепями. К ним приковали Каэля.

Я видела лишь его мощную спину — и абсолютно обнажённое тело. Его раздели догола, чтобы унижить до конца, стереть последние крохи достоинства. Но я не видела в этом того, что нам хотели показать. Я видела гордого воина. Человека, который не смог убить друга. И в моих глазах это делало его более живым, чем всех этих господ в дорогих одеждах.

Наставник Мирен протянул кнут господину Дирану. Тот взял его медленно, смакуя момент, и поднял высоко над головой, демонстрируя нам оружие наказания.

Мирама рядом со мной сжалась, будто удар уже пришёлся по её собственной спине. Но ни звука не сорвалось с её губ. Слишком опасно. Диран был в ярости.

— Этот раб, — голос Дирана летел над двором, перекрывая шум дождя, — выставил своего господина на посмешище! Не смог выполнить простейший приказ! Вы все должны помнить своё место! Даже победитель этого дома — всего

лишь раб! Ничтожество на цепи!

Первые капли дождя упали на мои волосы. Я подняла голову к небу — почти чёрная туча нависала прямо над «Багровым Полумесяцем», тяжёлая, как проклятие. Диран кричал, и на его шее вздулись вены от ярости.

— Смотрите и запоминайте! Что бывает с теми, кто забывает, кому принадлежит!

Он развернулся к Каэлю. Занёс руку для удара.

— Двадцать ударов кнутом! — его голос ударил по ушам. — А потом три дня под открытым небом, прикованным к этой стене! Пусть солнце выжжет непослушание из твоей шкуры, пёс!

Кнут свистнул в воздухе. И опустился на спину Каэля с мокрым, чудовищным звуком, от которого у меня подогнулись колени. Красная полоса прорезала его кожу, словно удар кисти безумного художника, задумавшего кровавый шедевр.

Он молчал. Ни звука, кроме свиста кнута и мерзкого шлепка рассекаемой плоти.

Дождь полил стеной, заливая наши головы, стекая по лицам. Холодные струи хлестали по спинам, но ни одна капля не могла смыть то, что происходило у стены.

Второй удар. Третий. Он молчал.

Мне было больно. До судорог в груди, до тошноты, до желания зажмуриться и заткнуть уши. Но я смотрела.

Кровь побежала по его мощной спине, спускаясь ниже с

каплями дождя, по упругим ягодицам, по ногам, впитываясь в землю у его ног. Каждый удар оставлял новую рану, и старая кровь смешивалась со свежей, превращая его спину в одну сплошную алую кляксу.

Когда десятый удар обрушился на уже исполосованную спину, он закричал.

Только раз. Тихо, сдавленно. И этого хватило. Я не смогла сдержать слёз — они хлынули потоком, смешиваясь с дождём, и я даже не пыталась их вытирать.

Это было чудовищно. Ужасно до ледяной пустоты внутри. Я проклинала Аэриона. Только он был виноват в этом. Только его слова, его насмешка, его игра разбудили этого зверя в Диране.

Монеты.

Я вспомнила о них, когда мы шли сюда. По дороге, пока нас гнали во двор, я успела выплюнуть их в высокий глиняный кувшин у входа в кухню. Я запомнила этот кувшин: с трещиной у горлышка, чуть темнее остальных. Надеюсь, боги помогут мне не перепутать.

Пятнадцатый удар. Спина Каэля превратилась в месиво. Его ноги подогнулись, и он повис на цепях, удерживаемый только металлом, впившимся в запястья. Голова безвольно упала на грудь.

— Считай! — рявкнул Диран, и наставник Мирен послушно отсчитал:

— Шестнадцать!

Я зажмурилась, но тут же открыла глаза. Я должна была видеть. Должна была помнить, какое наказание следует за непослушание.

Двадцатый удар — самый сильный, самый страшный — разрезал водную стену, что лила с неба. Я всё-таки зажмурилась. Мне казалось, он умер. Его тело висело на цепях так безвольно, так страшно, что воздух застрял в лёгких.

Кнут был в крови. В его крови.

С моих губ всё же сорвался резкий, сдавленный выдох. Мирама обхватила мою руку своей — крепко, до боли, и эта боль была единственным, что удерживало меня здесь, на земле, не давая провалиться в чёрную пустоту.

— Это ждёт каждого из вас, если забудете своё место, — голос Дирана прогремел над нами, довольный, сытый. — А теперь — торжественная часть вечера.

Он обернулся, и из-за наших спин бесшумно выскользнула Лираэль. В руках она несла металлический прут, на конце которого тускло поблёскивал полумесяц — символ этого дома, знак собственности, клеймо.

Я сглотнула. Тяжело, с трудом, будто горло перекрыло песком.

Низшие рабы вынесли под навес горящую жаровню. Диран опустил прут в раскалённые угли, и металл начал наливать алым, багровым светом.

Лираэль, накинув на голову капюшон, вышла под дождь. Капли стекали по её лицу, но она не замечала их — смотрела

только на нас.

— Мои милые иллари, — её голос, чистый и звонкий, перекрывал шум дождя. — Айви и Луна. Настало время подарить вам знак этого дома. Я хочу, чтобы вы поклялись в верности. Настоящей, той, что горит на коже, напоминая каждый миг, кому вы принадлежите.

Она сделала паузу — и в этой тишине я слышала только стук собственного сердца, гулкий, неровный, будто пытающийся вырваться из груди.

— Подойдите, — прозвучало властно, без намёка на просьбу.

Я не чувствовала ног. Но они понесли меня вперёд — механически, против воли. Мимо Каэля, висящего на цепях. Мимо его окровавленной спины, по которой стекали капли дождя, смешиваясь с кровью. К огню. К клейму. К новой жизни, от которой больше нельзя было отказаться.

Лираэль жестом приказала нам опуститься на колени. Мы с Айви переглянулись — в её глазах плескался тот же ужас, что и в моих, — и послушно рухнули в грязь. Дождь хлестал по лицам, холодные струи стекали по шее, но я почти не ощущала холода. Айви дрожала — то ли от промозглой сырости, то ли от страха перед болью, которая вот-вот должна была прийти.

— Я клянусь служить вам верно, — голос Айви сорвался, дрогнул на первом же слове. Она заставила себя крикнуть громче, задрав голову к серому, хмурому небу: — Моя

жизнь — ваша жизнь!

Лираэль улыбнулась. По-настоящему, тепло, почти по-матерински. Провела ладонью по мокрым волосам Айви, словно благословляя.

Диран вышел из-под навеса с раскалённым железом в руке. В свете пламени полумесяц на конце клейма отливало злобным красным. Не мешкая, он прижал его к коже Айви.

Она закричала.

Крик этот был страшен — дикий, полный такой боли, что у меня сжалось сердце. Её глаза покраснели, налились слезами. Когда железо оторвали от воспалённой плоти, она закатила их и безжизненно рухнула лицом в грязь. На её предплечье горел багровый полумесяц — свежий, неровный, дымящийся.

Я перевела взгляд на госпожу. Диран снова сунул металл в жаровню. Пламя жадно облизнуло клеймо, и оно снова начало краснеть.

— Клянусь в верности вашему дому, — сказала я. Сухо. Без надрыва. Без дрожи. Упрямо смотря Лираэль прямо в глаза.

Брови Лираэль сошлись на переносице. Она шагнула ко мне, и я замерла, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Но прежде чем её рука коснулась моих волос, она произнесла:

— Ты сегодня прекрасно проявила себя, Луна. Я прощаю тебе этот взгляд.

Её ладонь скользнула по моей мокрой голове — погла-

дила, как гладят собаку: снисходительно, собственнически. Меня затошнило от этого прикосновения, от этой фальшивой милости.

Диран двинулся ко мне с раскалённым клеймом.

Я хотела бежать. Кричать. Выть от ужаса. Но я смиренно стояла на коленях, потому что бежать было некуда. Страх сжимал внутренности, и я снова почувствовала себя маленькой девочкой, какой была до всего этого кошмара. Но сестра не придёт. Здесь нет Дивьеры, которая заслонит меня. Только я. Одна.

Я сжала зубы до скрежета. Ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы на коже. Я была готова принять боль.

Моя голова осталась высоко поднятой. Я смотрела прямо в глаза Дирану, когда он приблизился. Пусть видит, что я не боюсь.

Железо коснулось кожи. Сначала — обжигающий холод, а затем... ад. Десятки ос впились в мою руку сразу — ядовитые, жгучие, невыносимые. Боль пронзила всё тело, ударила в виски, затмила свет. Перед глазами заплясали чёрные точки.

Но я молчала. Только зубы скрежетали сильнее.

Я смотрела на Дирана. Мне казалось, он медлил специально — ждал моего крика, ждал, когда я сломаюсь. Но железо всё ещё жгло мою плоть, а я всё ещё молчала.

Лираэль мягко коснулась руки мужа. Он убрал клеймо.

Запах жжёной плоти ударил в нос — тошнотворный, слад-

коватый, отвратительный. Словно закоптили поросёнка. Я зажала рот рукой, подавляя рвотный позыв.

«Я больше никогда не смогу есть мясо», — пронеслось в голове.

Я взглянула на свою руку. На предплечье, там, где только что была чистая бледная кожа, теперь горел багровый полумесяц. Такой же, как у всех. Знак собственности. Клеймо рабыни.

Я принадлежала «Багровому Полумесяцу». Теперь по-настоящему.

17. Риск

Я крутилась в постели без возможности провалиться в сон. Воспоминания терзали меня — о маме, о доме, о сестре... и совсем новые, о Каэле. О том, как он висел на цепях под ледяным дождём, о его ранах, что заживут теперь чудовищными шрамами. О его молчании и силе воли.

Моё предплечье жгло. Мазь, что нам дали, должна была помочь ране не загноиться — им не нужна иллари без руки, поэтому о нас заботились ровно настолько, чтобы сохранить товарный вид.

Я приподнялась на локтях и охнула от резкой боли — кожа натянулась, выступила сукровица. Зашипев сквозь зубы, я огляделась. Все спали. Измученные пережитым днём, девушки дышали ровно и глубоко. Даже Мирама тихо посапывала на соседней кровати, уронив руку с кровати.

Мой взгляд упал на низкий столик у изголовья. Там стояла баночка с мазью. Достаточно большая. Я могла бы...

Нет. Это безумие. Чем я помогу ему? Если меня увидят — что тогда? Как проскочить мимо стражи? Я здесь рабыня, у меня нет права на ошибку.

Но в голове снова всплыло его лицо. То, как он смотрел на друга перед смертью. Как молчал под ударами. Как висел на цепях, безвольный, но не сломленный.

Сегодня я помогу ему. А в следующий раз, быть может,

он поможет мне. Мне нужны союзники. Он такой же раб...

Да к чёрту. Мне просто жаль его. Жаль до боли в груди, до судорог в пальцах. И если я не могу сейчас помочь Дивьере, то это — в моих силах. Я могу хотя бы это.

Я осторожно поднялась с постели, закуталась в накидку и, стараясь не шуметь, сунула баночку в складки рукава. Сердце колотилось где-то в горле.

Мышкой шмыгнула к двери. Обернулась — ни звука, ни движения. Все спят.

«Мне просто приспичило в туалет, — мысленно репетировала я оправдание. — Ночью. Да, ночью. Я много выпила вина, и меня зовёт естественная нужда».

Эта мысль придавала уверенности. Если кто-то застучает — так и скажу. Просто девушка, спешащая по ночной нужде. Ничего подозрительного.

Я скользнула в тёмный коридор. Дождь барабанил по крыше, просачивался сквозь старые щели, оставляя мокрые пятна на каменном полу. Я шла почти на ощупь, ориентируясь только на тусклый свет факела в самом конце длинного коридора.

Вдалеке, за поворотом, слышались голоса. Два мужских. Они говорили приглушённо, изредка посмеиваясь, и звук приближался.

Сердце пропустило удар. Как пройти мимо?

Я лихорадочно огляделась. Дверь справа была чуть открыта — узкая полоска тьмы, манящая и пугающая одно-

временно. Я шагнула внутрь, затаив дыхание.

Небольшой кабинет. Стопки бумаг на столе, горящая свеча, книги на полках, чернильница. И двустворчатое окно на противоположной стене. Мне здесь точно нельзя находиться — слишком много свидетельств того, что это чьё-то личное пространство. Но почему дверь оказалась открыта?

Шаги в коридоре стали громче. Они приближались.

Я обернулась в поисках укрытия — и увидела форму стражника, небрежно брошенную на спинку стула.

Я пропала.

Долго не думая, я рванула к окну, толкнула створки от себя. Ветер ворвался внутрь, подхватил раму и та с силой ударилась о стену. Звук разнёсся эхом.

— Что за? — донёсся удивлённый голос из коридора.

Сейчас или никогда. Я перекинула ноги через подоконник. Прыгать было невысоко — внизу темнел мокрый, разросшийся куст. Я представила, как стражи врываются в комнату, находят меня, и вместо того чтобы добраться до Каэля, я оказываюсь рядом с ним совсем по другой причине — прикованная к стене, избитая, уничтоженная.

Я отпустила руки.

Куст принял меня, больно оцарапав ветками щёки, руки, ноги. Но не до крови — просто оставив зудящие красные полосы. Я провалилась в зелень с головой, замирая.

— Я же говорил — прикрывай окно! — грубый голос раздался прямо надо мной. — Кто будет оплачивать разбитое

стекло? Ты уже сдал мне караул, засранец!

Я зажмурилась, вжимаясь в мокрую листву. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть.

Стражник перегнулся через подоконник, посмотрел вниз. Я чувствовала его взгляд кожей. Он заметил? Он видит меня?

Но он лишь хмыкнул, дёрнул створку и с силой захлопнул окно.

Я выждала. Сосчитала до ста, до двухсот. Дождь моросил, но уже не тот ледяной ливень, что был ранее. Но накидка всё равно промокла насквозь и противно липло к телу.

Я осторожно выбралась из куста, пригибаясь к земле. Ориентиров почти не было, но высокую стену за тренировочным полем я разглядела даже в темноте. Туда. К ней.

Согнувшись почти пополам, я побежала, скользя по мокрой траве, молясь всем богам, чтобы стража не выглянула в окно.

Когда мои ладони коснулись шершавой, мокрой стены, я шмыгнула за угол и прижалась спиной к холодному камню. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть. Я выглянула.

Вдалеке, под навесом, тусклый факел выхватывал из темноты мощную мужскую спину. Каэль стоял — не висел, а именно стоял, выпрямившись во весь рост, вцепившись руками в стену над головой. Кровь запеклась на его ранах тёмными корками, но он стоял. Живой.

Моё сердце сжалось. Я огляделась — никого. Пусто. Его оставили одного истекать под этим проклятым, ночным небом.

Я бесшумно двинулась к нему, пригибаясь к земле.

Он резко повернул голову через плечо. В свете факела я увидела сначала удивление в его глазах, а затем — как сдвинулись брови, нахмурились, собираясь в гневную складку.

— Что ты забыла здесь, глупая иллари? — голос его прозвучал грубо, хрипло, как скрежет камня.

Я замерла. На секунду мне захотелось развернуться и убежать обратно, в тёплую постель, подальше от этого безумия.

— Я хотела помочь, — выдохнула я, делая уже спокойный шаг вперёд.

Его мышцы напряглись, перекатываясь под исполосованной кожей. Я стояла позади него и тупо пялилась на его спину. На его обнажённый зад. Я мысленно одёрнула себя — не время, не место разглядывать мужское тело, даже если оно такое...

— Чем ты можешь помочь мне? — рявкнул он, отворачиваясь к стене. — Уходи, пока тебя не заметили.

Я не послушалась. Достала баночку, открутила крышку, окунула палец в прохладную мазь и осторожно коснулась самой глубокой раны у него на лопатке.

Он дёрнулся так, будто я прижала раскалённое железо.

— Не прикасайся ко мне! — прошипел он, и в его голосе

было столько злости, что я чуть не отшатнулась. — Ненормальная!

— Это всего лишь мазь, — огрызнулась я, чувствуя, как обида поднимается в груди. — Чтобы твои раны не загноились. И вообще, я рисковала, чтобы помочь тебе! Можно вести себя чуть менее грубо?

И для верности ткнула пальцем в рану чуть сильнее. Он что-то неразборчиво буркнул, но не дёрнулся больше. — Кто тебя просил о помощи? — голос его стал тише, но не мягче. — Уходи, пока цела.

Я проигнорировала. Зачерпнула ещё мази и принялась аккуратно, стараясь не причинять лишней боли, наносить её на следующую рану. Он молчал. Только дыхание его стало глубже, тяжелее.

— Просто прими это молча. Я всё равно не уйду, — тихо произнесла я, спуская руку ниже, туда, где на пояснице темнели две выразительные ямочки. Я осторожно провела пальцем по влажной коже, чувствуя, как под подушечками перекачиваются тугие мышцы.

Он упёрся лбом в холодную стену, принимая мои слова. Молчал.

Обязательно ли так долго наносить мазь? Нет. Но мне хотелось. Раны выглядели ужасающе — рваные, глубокие, некоторые до сих пор сочились сукровицей. Здесь бы зашить, жаль, у меня не было ни иглы, ни ниток. Хотя не факт, что я смогла бы проткнуть живую плоть. Рука бы дрогнула.

— Как твоё имя? — спросил он низко, и его голос отозвался вибрацией где-то в моей груди.

Мой палец замер над самой чувствительной зоной, у самой границы ягодниц. Я исследовала его тело, даже там, где не было ран — он ведь не видел.

— Луна, — выдохнула я. — Ты можешь звать меня так, если выживешь.

Наконец я закончила с мазью, закрыла баночку, но не спешила уходить. Что-то держало меня здесь, рядом с ним.

— Тебе подходит, — сказал он, и голос его стал чуть мягче. — Красивое имя.

Пауза.

— А теперь, Луна, уходи. Не знаю, как ты смогла сюда пробраться, но больше никогда не совершай подобных глупостей. Я тебе чужой. Неужели оно того стоит?

Я ахнула. Слова его задели сильнее, чем если бы он снова нагрубил.

— Мне просто было жаль тебя, — ответила я, и в голосе дрогнули слёзы, которые я сдерживала весь вечер. — Ты не заслужил такой участи.

Он усмехнулся — глухо, безрадостно.

— Не стоит жалеть меня, девочка. Я выкован из стали. Таким, как я, подобное не в новинку. Этим меня не убить.

— Было бы достаточно банального «спасибо», — буркнула я, вытирая щёку тыльной стороной ладони.

Повисла тишина. Словно он обдумывал мои слова.

— Спасибо, Луна, — произнёс он тихо, почти неслышно.

18. Болезнь

Я бежала обратно в западное крыло, через открытую террасу, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Тишина. Только дождь шелестел по листьям да где-то вдалеке скрипнула дверь.

Разговор с тем рабом вышел странным. Он действительно не желал моей помощи — выглядел раздражённым, злым, будто моё присутствие оскорбляло его. А с другой стороны — на что я рассчитывала? Что мы спокойно поболтаем о нелёгкой рабской доле, потом обнимемся, и он будет рассыпаться в благодарностях, обещая вечную преданность за то, что я помазала его раны и бессовестно разглядывала его зад?

О, глупая Луна. Пора бы уже повзрослеть.

Но что-то в нём было. Что-то, от чего его взгляд, выжигающий меня насквозь, ощущался — как бы странно это ни звучало — почти приятно.

Смогу ли я сблизиться с ним? Думаю, да, если его не убьёт палящее солнце. Но не станет же господин избавляться от собственного победителя? Я уверена, многие приходят поглазеть именно на его бои. Он выглядел устрашающе со своими двумя мечами — смертоносный, точёный, опасный.

Да, «устрашающий» — так бы я назвала его, не зная я имени. Но и Каэль подходило ему удивительно. То, как язык стучал о нёбо на последнем слоге, оставляя послевкусие... При-

ятное имя.

Я шагнула за развивающиеся занавески, отделяющие террасу от коридора. Тишина.

Вдалеке слышались голоса из той самой комнаты, через которую я выбиралась наружу. Стражники ещё не утомились.

Если я пройду прямо, то смогу забрать монеты. Свои почти честно заработанные от того ядовитого блондина. Стоит ли забирать их сейчас? Я не знала, куда их спрятать. В нашей комнате не было ни одного места, куда бы не совала нос Силма.

Я тихо вздохнула и стянула плетёнки с ног — с них стекала грязь. Взяла обувь в руки и на цыпочках двинулась к спальне.

Не знаю, поверили бы мне насчёт того, что я выходила по нужде. Лучше не вызывать вопросов. Да и баночка в моей руке говорила о многом — они не дураки, сразу поймут, что к чему.

«Бедная иллари бегала среди ночи, чтобы обработать раны воину». Вот как это прозвучит. Лираэль будет зла — исходя из того, как здесь относятся к любым связям между рабами.

Я почти стукнула себя по лбу, но меня остановили плетёнки в руках. Почему я не принесла слов соболезнования о его друге? Может, это смягчило бы его. Хотя нет, вру. Он был неприступен.

Я проскользнула мимо комнаты стражников — оттуда доносился смех — и приоткрыла дверь нашей спальни. Всё без изменений. Девушки спали так крепко, что хоть обворовывай — не проснутся. Да и стражники каковы: я тут хожу туда-сюда, а они там чем заняты?

Стоп. Если я соберусь бежать... У меня будет больше шансов, чем я думала. Здесь явно мало кто задумывается о побеге. Может, слишком напуганы, может, их всё устраивает. Но контроль по ночам здесь явно слабее, чем днём. Это сыгрывает мне на руку.

Я скользнула в комнату, стараясь не скрипнуть дверью. Мирама пошевелилась во сне, что-то пробормотала и перевернулась на другой бок. Я замерла, прижимаясь к стене.

Когда дыхание её снова стало ровным, я на цыпочках двинулась к своей кровати, молясь, чтобы никто не проснулся и не задал вопросов, на которые у меня не было ответов.

Я скинула мокрую накидку и повесила на край кровати, надеясь, что к утру она хоть немного просохнет. Плетёнки запихнула подальше под кровать, чтобы никто ничего не заподозрил.

Казалось, я лишь на миг прикрыла глаза, но солнечные лучи уже безжалостно заставили раскрыть их снова. Усталость и подступивший жар забрали меня в свои объятия, не оставив ни капли сил. Тело ломило, каждое движение давалось с трудом.

— Эй, выглядишь паршиво, — тёмная прохладная рука

коснулась моего лба, стирая липкую испарину. — Покажи клеймо.

Мирама сидела на краю моей кровати, и на её лице отражалась полная озабоченность моим состоянием.

Честно говоря, меня трясло. Кожу покрывали неприятные мурашки, словно после солнечного удара. Во рту пересохло, язык еле ворочался. А рука — там, где вчера раскалённое железо впечатало в меня полумесяц — горела огнём.

Мирама приложила мокрое полотенце к моему предплечью, осторожно промокнула воспалённую кожу, а затем принялась наносить мазь из баночки.

— Всё так плохо? — мой голос прозвучал хрипло, чужим. Я потянулась к её руке, пытаюсь остановить, но мир качнулся, и пришлось схватиться за край кровати, чтобы не упасть. Похоже, вчерашний дождь и ночные приключения даром не прошли.

— У многих бывало и хуже, — Мирама нахмурилась, разглядывая моё клеймо. — Но у тебя воспаление. Нужно показать тебя лекарю. Он лечит рабов в подвальных этажах. Если запустить, можно руку потерять. Или хуже.

Я лишь на миг прикрыла глаза.

Меня трясли за плечи.

— Луна! Луна, очнись!

Голос Мирамы пробивался сквозь густой туман, в котором утонуло моё сознание. Я попыталась открыть глаза, но веки были тяжёлыми, словно каменными.

— Лекарь... — донеслось до меня сквозь шум в ушах, — отлучился в город за травами. Многие воины вчера были ранены, ему не хватает снадобий. Но госпожа Лираэль дала свою настойку. Сказала, должно помочь. Пей.

Что-то тёплое и влажное коснулось моих губ, а затем в рот полилась густая, вязкая жидкость с отвратительным травяным запахом. Горло сжалось в попытке вытолкнуть эту гадость, но я заставила себя сглотнуть. Мир снова качнулся и поплыл.

— Дивьера... — прошептала я, чувствуя, как сознание ускользает. — Задуй свечу, спать хочу...

— Уже несколько часов так, — донёсся чей-то голос. — Зовёт кого-то. Бредит.

Где-то на грани реальности я услышала другой голос. Чёткий, мелодичный.

— Господин Морвейн запросил приватный танец... Как я могу отказать такому гостю после его щедрости вчера вечером? Зови Лотос. Пусть готовится. Может, она сумеет угодить этому знатному господину. А Луна... — тягучая пауза, — пусть поправляется.

Голоса уплывали, таяли, растворялись в темноте, которая снова поглотила меня целиком.

Я резко села на постели, влажной от собственного пота. Запах стоял прелый, солёный — так пахнет тело, когда сквозь него проходит болезнь. Я провела ладонью по лицу, стирая липкую влагу. Слабость всё ещё ощущалась в каждой

мышце, но жар, кажется, отступил.

Вокруг было тихо и темно. За окном давно село солнце — судя по густой синеве неба, близилась полночь. Возле моей кровати стоял стул, а на низком столике — несколько склянок и новая баночка с мазью. Моя рука оказалась замотана чистым бинтом, из-под которого доносился терпкий, травяной запах. Почти не болит. Только ноет и слегка пульсирует в такт сердцу, но той острой, раздирающей боли, что помнилась мне прежде, не было.

Желудок свело от голода — так сильно, что на мгновение потемнело в глазах. Я оглядела комнату. Девушки спали, разметавшись по кроватям.

Сколько я провалялась без сознания? Кто меня лечил?

Мирама спала прямо в накидке, не раздеваясь. Я осторожно поднялась, сделала шаг, другой — ноги дрожали, но держали. Подошла к её постели. Она посапывала, уткнувшись носом в подушку. Ноги её свешивались с кровати прямо в плетёнках, словно она прилегла на минуту и отрубилась, даже не успев скинуть обувь.

Я не стала будить. Завязала свои плетёнки дрожащими пальцами и, шаг за шагом, придерживаясь за стены, двинулась в сторону кухни.

Она была неподалёку — рядом с покоями Силмы, если верить тому, что я успела запомнить за это время. Тело качало из стороны в сторону, как тростник на ветру, но я упрямо шла. Мне нужна вода. И немного еды. Если накажут —

пусть. Голод был сильнее страха.

Стены становились всё более фактурными. Под пальцами — резьба, изображающая виноградные лозы, танцующих дев, каких-то крылатых существ. Чем дальше от западного крыла, тем вычурнее становилась атмосфера, тем больше здесь чувствовалась рука художника, старания архитектора.

Я почти столкнула плечом статую какой-то богини, стоявшую на мраморном выступе в нише. Замерла, прислушиваясь к бешено колотящемуся сердцу, осторожно обогнула холодный камень.

Мне не могло вечно везти. Если попадусь — отрубят руки? Или как здесь наказывают воров? Честно говоря, знать этого мне совсем не хотелось.

Впереди показались высокие двустворчатые двери, открывающиеся в обе стороны — видимо, для удобства слуг с подносами. Я почти ввалилась внутрь кухонного помещения, ухватившись за косяк.

Помещение было просторным, с высокими сводчатыми потолками, закопчёнными до черноты годами готовки. Вдоль стен тянулись каменные столешницы, истрёпанные ножами, испещрённые тёмными пятнами — от вина, от крови, от всего сразу. С потолка свисали пучки сушёных трав, наполняя воздух горьковатым, пряным ароматом. В углу громоздились амфоры с маслом и вином, некоторые — в человеческий рост. На крюках под самым потолком темнели окорока и связки колбас, манящие и недостижимые.

Я сделала шаг внутрь, и тишина кухни обступила меня со всех сторон. На большом подносе под белым полотенцем угадывалось что-то — я откинула край ткани и замерла.

Свежие лепёшки. Ещё тёплые.

Видимо, готовили воинам к завтрашнему утру. Воины...

Мысль о Каэле кольнула где-то под ребрами. Он до сих пор висел там, на цепи, под звёздами? Или сжалились и сняли, залечивать раны, чтобы снова выставить на арену?

Я взяла одну лепёшку, поднесла к лицу. Тёплый, мучной дух смешивался с тонким ароматом дыма. От запаха закружилась голова, но уже не от слабости, а от счастья. Так пах дом. Так пахла жизнь до всего этого кошмара.

Налив в глиняную чашу воды из большого кувшина, я отломила кусочек лепёшки и отправила в рот. Желудок после болезни отозвался благодарным теплом, но больше не просил — слишком долго постился, отвык от еды. Бóльшая часть лепёшки осталась в руке.

Я замерла, разглядывая её.

Если оставить здесь — заметят. Кто-то из слуг утром увидит надломанный хлеб и поймёт, что ночью по кухне шастала «мышь». Выбросить — рука не поднималась. Хлеб был слишком ценным, слишком живым напоминанием о нормальной жизни.

Я долила воды в чашу, прихватила лепёшку и, сама не веря в то, что делаю, направилась к выходу.

К нему.

Мой порыв был глупым. Безрассудным. Он явно не обрадуется мне снова. Но ноги уже несли меня через тёмные коридоры, мимо стражи, мимо факелов, мимо резных статуй богов, равнодушно взирающих на моё безумие.

Я несла ему воду. И хлеб. И, кажется, что-то ещё, чего сама не могла назвать.

19. Личная неприязнь

Мои ноги дрожали, но я шла как в бреду, неся еду и воду воину, который всё ещё был на том же месте. Его цепи ослабили — теперь он сидел на голой земле, прислонясь спиной к стене, и, хвала богам, на нём была набедренная повязка, скрывающая всё лишнее.

Ноги согнуты в коленях, руки лежат поверх, голова уткнулась в локоть. Спит? Кажется, да. Выглядел он не так плохо, как я боялась — может, организм молодого воина справлялся быстрее, чем я думала.

Я задела ногой камешек. Звук показался оглушительным в ночной тишине.

Он поднял голову мгновенно — хищник, даже сломленный, остаётся хищником. Лицо его было уставшим, осунувшимся, под глазами залегли тени.

— Снова ты, — только и бросил он. А потом вдруг резко подался вперёд, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на тревогу. — Что с тобой?

Он рванулся, пытаясь шагнуть ближе, но цепи лязгнули, удерживая его на месте.

— Клеймо, — ответила я, останавливаясь напротив. — Кажется, воспалилось. Но уже лучше. Меня лечили.

Он сделал шаг вперёд, насколько позволяли оковы, но не смог приблизиться. Его пальцы сжались в кулаки.

— Я принесла лепёшку, — я протянула хлеб и воду. — И немного воды.

Он не взял.

— Ты издеваешься? — голос его стал жёстче. — Что я говорил насчёт всего этого? Тебя здесь не должно быть! Я способен выдержать без еды и воды. А если тебя заметят? Сможешь ли ты выдержать то, что с тобой сделают?

Я сжала губы. Действительно глупо — совершать ту же ошибку дважды.

— Каэль, просто прими это, — мой голос дрогнул, и рука, протягивающая лепёшку, слегка затряслась.

Он поднял лицо, посмотрел мне в глаза. На миг в его взгляде мелькнуло что-то неуловимое — и он отступил назад, протянув руку. Взял. Откусил сразу, жадно, почти не жуя. А для чего тогда была эта сцена с гордостью?

Я протянула чашу с водой.

Он отпил и вернул мне чашу, перевёл дыхание и вдруг спросил:

— Я не хочу быть тебе обязанным. Говори, что хочешь за это.

Я устало вздохнула. Так вот в чём дело. Не хотел быть должным.

— Мне ничего не нужно, — ответила я. — Я просто решила помочь тебе.

Меня слегка качнуло — слабость после болезни давала о себе знать. Я сделала шаг вперёд, чтобы удержать равнове-

сие, и оказалась слишком близко.

— Знаешь, насколько безрассудно являться к мужчине посреди ночи? — в его глазах блеснуло что-то тёмное, опасное.

Я не успела отшатнуться — его крепкие, сильные руки рывком притянули меня к себе и прижали к телу. Сквозь лёгкую накидку я ощутила жар его кожи. В следующее мгновение он прижал меня к влажной стене, а вторая рука взметнулась вверх, уперевшись в стену над моей головой.

— Что ты делаешь? — выдохнула я, пытаюсь высвободиться. — Отпусти меня!

Но он только крепче прижал, склонился так, что наши лица оказались на одном уровне. Его дыхание коснулось моих губ — горячее, прерывистое.

— Ты пришла ко мне посреди ночи, — голос его стал низким, хриплым. — Принесла еду, воду. Смотрела на меня так... Думаешь, я каменный?

Его губы оказались в сантиметре от моих. Я замерла, чувствуя, как напряжение между нами становится почти осязаемым. И на одно безумное мгновение мне захотелось сократить это расстояние. Коснуться. Узнать, каковы на вкус его губы.

А затем он потянул меня ближе к себе и резко разжал руки.

Я шлёпнулась на задницу прямо на твёрдую землю, мор-

гая от неожиданности. Боль пронзила копчик, но удивило меня не это.

— Ты что, ненормальный? — выпалила я, глядя на него снизу вверх.

Он лишь усмехнулся. Присел, опершись спиной о стену, и продолжил жевать лепёшку, словно ничего не случилось.

— Когда съёшься в клетку к голодному зверю, глупо удивляться, что он может укусить, — произнёс он спокойно, жуя. — Запомни это, маленькая иллари. На будущее.

Я сидела на земле, пытаюсь переварить случившееся. Злость поднялась во мне — горячая, обжигающая, сильнее любого благородного порыва. Он просто издевался надо мной!

— Придурок, — буркнула я, поднимаясь и отряхиваясь. — И чтоб ты знал — больше никакой еды. Подавись своей гордостью.

Я развернулась и зашагала прочь, сжимая кулаки. За спиной слышался тихий смех — не злой, а какой-то... довольный. Будто он добился именно того, чего хотел.

— Эй, Луна.

Его голос заставил меня замереть. Я хотела идти дальше, сделать вид, что не слышу — гордость вопила об этом. Но ноги остановились сами, и я обернулась через плечо.

Он смотрел на меня серьёзно. Ни тени недавней насмешки.

— Ты помогла мне. Теперь я помогу тебе. Держись по-

дальше от Морвейна. Может, он и кажется тебе приятным — богатый, красивый, щедрый. Но на деле он такой же конченный психопат, как и его отец. Только моложе и хитрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.